



ПРИОКСКАЯ
ГУБЕРНИЯ

1·2011

Краеведческий альманах

К Выксе далёкого прошлого, XVIII–XIX веков, обращались прежде всего наши первые краеведы — энтузиасты: Н.П. Голованов, А.А. Лопатин, Н.П. Соколов, А.Ф. Зыкин, Н.И. Гальянов, В.П. Порхачев. Выксунская старина была им интересна и дорога. Они трудились ради пользы для своей любимой малой родины, не думая о славе и регалиях. Записи, заметки, воспоминания — материалы, оставленные этими краеведами-любителями, и в наше время представляют большую ценность, интересны выксунцам. А для нас, сегодняшних краеведов, здесь начала новых поисков, находок, открытий. И мы низко кланяемся этим хранителям бесценной народной памяти. Но должны признаться: не так много знаем о них, первых. Давно пора сказать о каждом верное, доброе, благодарное слово.

В. В. Балдина

**ПРИОКСНАЯ
ГУБЕРНИКА**

Выкса 2011

ББК 84(2Рос=Рус)6
УДК 82(059)
П-76

Приокская глубинка № 1 (10) • 2011

Уважаемые читатели!

Вы держите в руках №10 краеведческого альманаха «Приокская глубинка», выход которого планировался в Год учителя. Этот номер посвящен нашей землячке, учителю и краеведу Валентине Васильевне Балдиной. В. В. Балдина продолжает краеведческие традиции, которые были заложены первыми краеведами Выксы. В данном номере опубликована исследовательская работа В.В. Балдиной о краеведческой деятельности одного из первых выксунских краеведов А.А. Лопатина. Также вашему вниманию представлены рассказы, записанные А.А. Лопатиным.

Г. К. Никулина

Елена Александровна
БАИКИНА



НЕГРОМКОЕ УЧИТЕЛЬСКОЕ СЧАСТЬЕ

«Школа в моей жизни – время большого неустанного труда, вечной учебы, поисков, находок, неудач, радости и разочарований, бед и счастья, незнакомо-го людям других профессий. В ней – вся моя жизнь».

Из автобиографии В. В. Балдиной.

Однажды в жизни каждого из нас появляется человек, которого мы называем Учителем. Для кого-то это буквально педагог начального звена, тот, что вместе с умением читать и писать прививал главные человеческие качества. Кому-то довелось встретить своего наставника уже в зрелые годы и иметь счастье осознать всю значимость такой встречи.

Мой сегодняшний рассказ – об Учителе.

1928 год, декабрь. В семье Балдиных – счастье. Родилась дочка – Валя. Может быть, отец и ждал сына, но вторая дочурка – тоже славно. Всего их будет трое: три девочки, сохранившие на всю жизнь удивительную дружбу.

Дом – полная чаша. Не в современном смысле, когда денег куры не клюют, а в том, первоначальном значении: все счастливы. Василий Гаврилович Балдин – журналист,



В. В. Балдина после окончания университета, 1952 г.

литератор, общественник. За-рекомендовав себя в Выксе с самой лучшей стороны, он получает направление на учебу в Редакционно-издательский институт ОГИЗа (ныне Литинститут им. Горького), на факультет редакторов художественной литературы. Семья переезжает вслед за ним в Москву. Ему прочат большое будущее. Но судьба распорядилась по-своему.

В 1934 году Василий Гаврилович умирает. Ему исполнилось 32. Вале было пять.

Антонина Ивановна и девочки возвращаются в Выксу. Мать становится для дочерей не столько главной кормилицей, сколько образцом стойкости, мужества и любви. Не получившая практически никакого образования — отец считал лишним школьные премудрости для сельской девчонки, — Антонина Ивановна при этом была человеком мудрым, начитанным, на каждый случай державшим в запасе поговорку-прибаутку. Чтобы обеспечить семью хотя бы самым необходимым, она шила на заказ. Тем и жила.

Главной своей задачей мать видела выучить дочерей, дать им достойное образование, «вывести в люди».

В 1936 году Валентина идет в первый класс только что открывшейся школы №8. Учится легко, с удовольствием. Главной страстью становится чтение: Валя читает много, взхлеб, иногда тайком от матери — та небезосновательно опасалась за зрение девочки. А по дороге в школу рассказывает новую историю друзьям и приятелям. Так и ходили они целой стайкой: Валя в центре, слушатели вокруг.

Согласитесь, зачастую именно первая учительница формирует отношение к школе вообще. Валентине здесь повезло. Антонина Михайловна Синицына, мастер своего

дела, орденосеца, человек строгий и справедливый, станет для девочки настоящим Наставником.

Из письма В. В. Балдиной Антонине Михайловне: «Учительница первая моя... Необъятно наше учительское поле. Труда, воли, любви и самоотречения оно требует, но и дарит счастьем, настоящим, захватывающим, редким, которое вряд ли доступно людям других профессий. Это тогда, когда мы для своих учеников становимся Учителями жизни. Душаю, такое счастье Вы испытали полной мерой...»

В старших классах идеалом учителя для девушки стал Георгий Александрович Михайлов, преподаватель математики, физики и астрономии. Перед знаниями, эрудицией и высокой культурой этого человека ребята просто благоговели. В том, что сама станет педагогом, к тому времени, пожалуй, Валентина уже не сомневается. К тому располагали и любовь к литературе, и учителя, с которыми девушке везло. Мать подерживала устремления дочери — уж если ей самой не довелось стать ученым человеком, так пусть девочки получают возможность воплотить свои мечты в действительность.

В 46-м году Валентина становится студенткой Горьковского государственного университета им. Лобачевского. Кстати, это был первый набор на только что открывшийся истфил. Вале вообще как-то везло оказываться в первопроходцах.

Конкурс был серьезный. Вне конкурса принимали юношей, недавно вернувшихся с фронта. Потому прошли лишь медалисты-горьковчане да еще несколько счастливых. Среди них оказалась и Валентина Балдина.

Студенчество было ярким. Да и как забудешь послевоенные годы, крохотную стипендию, скудный паек хлеба и рагу из овощей без масла... Впрочем, память сохраняет другое — дружный курс, интересные лекции талантливых педагогов и предощущение чего-то большого, что ожидает впереди.

Их курс готовили к научной работе, однако стране нужны были учителя, и вот выксунская девушка входит в класс школы № 163 станции Артышта Томской железной дороги. Дом и мама невообразимо далеко, ученики же... Старшеклассники, истинные сибиряки, на голову выше моло-

денькой учительницы, а на фотографии тех лет не сразу разберешь, где педагог, а где дети.

Из автобиографии: «Особенно важно было встретить настоящего человека вначале, когда с университетской скамьи я попала в школу, наивная, неопытная, с радужными крыльшками мечты за спиной, с яростным желанием в крови сделать лучше мир и людей.

Таким настоящим человеком для меня стал директор школы ст. Артышта Кемеровской области Иван Гаврилович Михайлов – человек высочайшего интеллекта, надежный и порядочный; он был строг, требователен, но неизменно корректен, справедлив и человечен. Он учил нас, молодых, умению работать, ответственности – и был заботлив по-отцовски. Он верил в меня, и это окрыляло».

Не пройдет и полугодя, как девятиклассник Дима Егоров, охотник, силач, напишет 22-летней учительнице на крохотном, в четверть ладошки, листочке (новогодняя почта в действии): «Вы учитель молодой, но будете настоящим мастером. Жилаю успехов» (орфография сохранена).

Как был прав сибирский школьник...



Вручение золотых медалей выпускникам школы №10
Погорелко В., Прошиной Л., Ожеговой С., 1955 г.

Летом 1952 года Валя вернулась в Выксу. Надо ли говорить, как сложно переступить порог родной 8-й школы уже в качестве преподавателя... Впрочем, здесь молодой учитель проработает недолго — ее пригласят в 3-ю, затем переведут в 10-ю, в 60-м году — в открывшуюся 11-ю.

«У меня три родные школы, — напишет позже Валентина Васильевна. — Школа № 10 — это первые любимые ученики, первые успехи и первые неудачи. Вторая — № 11 — самая дорогая. Масса сил и энергии, время поисков и открытий, большая внеклассная работа. А третья — это школа № 12: накоплен большой опыт, и есть возможность передать накопленное молодым».

Педагогической работе отдано тридцать два года. Вдумайтесь в эту цифру: тридцать два... Ежедневно входить в класс, говорить «Здравствуйте, садитесь, пожалуйста...» и учить, учить самому главному — любви к русскому языку, к русской литературе, а значит, любви к Родине.

45 минут школьного урока. Каждый раз — как маленькая жизнь. И прожить ее надо так... Кто не помнит цитаты, пусть перечитает Островского.

Педагог, влюбленный в предмет, на каком-то энергетическом уровне передает детям свою увлеченность, от его души зажигаются отзывчивые ребячьи души. Валентина Васильевна не просто преподает, она ведет за собой, побуждает к действию, к творчеству, к самостоятельной мысли. Пожалуй, за 32 года не было двух одинаковых уроков — всякий раз все по-новому. Новый интересный материал, новые методические находки, да и просто — классы разные. Требуется много? Безусловно. Прежде всего — с себя. Потом с учеников, поскольку уверена: без усилий достичь высоких результатов невозможно.

Уже в первые годы работы Валентина понимает, что ей тесновато в рамках стандартной программы по литературе. В мире так много интересных, полезных книг, и мало порекомендовать их ребятам, хочется увидеть отклик в детских сердцах, понять, что посеянное дало качественные всходы.

Так появляются уроки внеклассного чтения и факультативные занятия. Литературный вечер «Осень в живописи, музыке и литературе», урок по творчеству Межелайтиса, даже театральная постановка – все это было призвано, чтобы научить подростков читать и думать о прочитанном.

Беседы и споры, сочинения на свободную тему, которые больше напоминали рассказы или зарисовки, нестандартный взгляд на, казалось бы, обыденные вещи – выпускники Валентины Васильевны вспоминают это и по сей день. А в школе она не работает почти 30 лет.

Как учитель-новатор, В. В. Балдина трижды принимает участие в областных педагогических чтениях и научно-практических конференциях, выступая с обобщением опыта по важным неразработанным методическим проблемам.

Доклады отмечены почетными грамотами областного отдела образования. В 1965 году доклад «Организация внеклассного чтения (из опыта работы в 11 классе)», прозвучавший на Центральных педагогических чтениях, был отмечен Поощрительной грамотой Академии педагогических наук РСФСР. Этот доклад, единственный из Нижегородской области, оказался в числе включенных в федеральный обзор.

Валентину Васильевну приглашают прочесть лекции для студентов-заочников литературного факультета Горьковского пединститута. На базе школы, где она работает, предлагают провести областной годичный семинар по факультативным занятиям по литературе, и угадайте, кого приглашают стать руководителем этого семинара?..

Много лет Валентина Васильевна руководит районным объединением словесников. За долголетний и безупречный труд в области народного образования в 1969 году она награждена значком «Отличник народного просвещения РСФСР». В 1970-м приглашена на работу в город, на должность заведующей методкабинетом.

Все это – признание высокого педагогического уровня. Но есть и другие признания, которые Валентина Васильевна ценит, пожалуй, больше, чем десятки грамот и благодарностей, полученных ею за годы работы.

Эти признания хранятся в солидном чемодане, занимая немало места в шкафу, а еще больше – в сердце учительницы. Это письма бывших учеников, их родителей. Со многими из тех, кто когда-то сидел за партами на ее уроках, Валентина Васильевна не теряет связи и сегодня.

Вот «непослушный Саша» поздравляет с профессиональным праздником, вот из Кривого Рога зовут: «Приезжайте к нам в гости! Во второй половине июля много абрикосов...». Вот открытка ко Дню учителя: «Моя первая учительница, мой добрый гений юных лет. Е. С.».

А вот студент Николай Захаров, уже «сухарь-математик», дает наказ: «Воспитывайте Ваших пятиклашек, как воспитывали нас. И требуйте с них побольше. Это очень хорошая школа. Пусть нам когда-то было нелегко, пусть им будет еще труднее, но, я уверен, что они потом с благодарностью вспомнят о Вас, как вспоминаем сейчас мы. Когда-то мы со страхом ждали Вашего урока, но сейчас, кажется, я многое мог бы отдать, чтобы снова почувствовать себя Вашим учеником. Да мы все, наверное, навсегда



В. В. Балдина с учениками школы №11, 1962 г.

останемся Вашими учениками, в каких бы взрослых «дядей» и «тетей» мы ни превратились. А сейчас я скучаю без литературы, хочется еще разочек сесть за стол и написать хорошее-хорошее сочинение...»

И еще одна открытка: «Спасибо Вам за то, что именно Вы попались на жизненном пути наших детей и помогли им вырасти духовно. Я говорю не только о своих детях, а о всех, кого Вы учили. Е. Соколова».

В 55-м году окончил школу Женя Егоров. В архиве Валентины Васильевны хранится брошюра — автореферат на соискание кандидатской степени. Автор — Е. А. Егоров. И подпись: «Вал. Вас. Балдиной в знак глубочайшего уважения от бывшего ученика-автора». Кандидат исторических наук подарил книжечку своей бывшей учительнице, в очередной раз заглянув к ней в гости. Датирован подарок 72-м годом...

А это письма и открытки Елены Капацинской. Здесь уже больше, чем отношения педагога и ученика. Здесь долгая человеческая дружба. Уже будучи преподавателем филфака Нижегородского госуниверситета, Елена напишет своей любимой учительнице: «Ваш неустанный поиск — всегда пример для меня и показатель того, что провинция — понятие, извиняющее лишь лень мысли».

Елена Липатова, сегодня известный журналист, сотрудник газеты «Выксунский рабочий», писем не пишет. Нет необходимости. Редкий день обойдется без того, чтобы она не заглянула в скромную квартирку на улице Красные зори. Год выпуска Лены — 1964-й. Недавно она приводила к Валентине Васильевне внука Николку. Вместе любовались бойким мальчуганом, смеялись. Душевное родство не уступает по прочности кровному. «Спасибо Вам за все Ваши уроки, за то, что и спустя столько лет Вы — со мной и во мне и для меня — очень и очень много значите... Вечно любящая Вас Елена Л.» — открытка ко Дню учителя. Их столько за эти годы...

Да, пожалуй, не всем так повезло с преподавателем. Не только предмету учила своих ребят Валентина Васильевна. Она учила их быть людьми, настоящими, цельными личностями. Как в произведениях ее любимого Паустовского.

Она помнит их по именам — своих выпускников, знает об их судьбах, хранит их фотографии. И они помнят ее, разную: умеющую пошутить и выслушать, умеющую строго спросить и потребовать, но всегда — честную с ними, отдающую себя всю без остатка любимому делу. Настолько отдающую, что даже обзавестись собственной семьей Валентине не хватило времени. Все заняла работа.

Если кто-то решит, что успехи и победы судьба приготовила женщине на блюдечке с голубой каемочкой, он ошибается.

Как любому, кто прокладывает лыжню, ей было трудно. Что спасало? Любовь и уважение учеников, забота и тепло родных, а еще — верные, настоящие друзья.

Из автобиографии: «Бывали такие дни, когда говорила себе: «Так больше нельзя! Нет сил!» Но потом открывалось второе дыхание, третье — и появлялись силы, и хватало мужества».

На вопрос о счастье Валентина Васильевна отвечает: «Счастье в том, что я нашла свое призвание, что не изменила мечтам юности, что все радости и печали моей жизни связаны с любимым и трижды клятым, мучительно сложным и захватывающе интересным учительским трудом.

Я счастлива и потому, что на своем тернистом пути узнала многих хороших людей.

Я счастлива потому, что у меня было много хороших учеников, умных, пытливых, трудолюбивых и ярких».

Из автобиографии: «В нашей жизни есть не только официальные праздники — первое воскресенье октября или День знаний, но и другие, вписанные красным в память и сердце. Это такие дни, когда мы чувствуем удовлетворение от работы, когда мы видим, как раскрываются нам ребячьи души, даря доверием, ког-



В. В. Балдина, 1967 г.



В. В. Балдина, в конце 1970-х

да к нам приходят взрослые наши ученики, чтобы поделиться своим горем или радостью, попросить помощи, совета, просто увидеться – приезжая для этого из Сибири, Приморья, Кубани – это дни настоящего счастья».

Имеешь сам – поделись с другим. Сейчас как-то забывается столь простое правило. Валентина Васильевна щедро делится накопленным опытом. За 32 года воспитала почти 30 словесников. Нехитрая математика получается: по специалисту на каждый год.

Впрочем, было бы несправедливо сказать, что кроме работы Валентина Балдина ничего не видела вокруг себя. Может ли быть хорошим учителем ограниченный человек? С ребятами и одна Валентина Васильевна много путешествует: разумеется, экскурсии по литературным местам, без этого совсем нельзя; театры, концерты, поездки на море. Будет что потом с друзьями обсудить и чем с учениками поделиться.

На пенсию ушла в 1983 году. И странно было предположить, что заслуженный отдых будет ассоциироваться с местом на скамеечке возле подъезда. Получив в достатке то, чего так не хватало все эти годы, – время, Валентина Васильевна занялась краеведческими изысканиями. Выбирает она те темы, что ближе и роднее ее основной деятельности.

«Выкса литературная» – разработанное филологом Балдиной направление включает в себя предания и легенды нашего края; очерки о местных самодеятельных поэтах, прозаиках и журналистах; анализ книг писателей, где так или иначе использован выксунский материал; рассказы об известных людях, посетивших наш город.

Первой ласточкой стал большой материал о местном самодеятельном поэте 30-40-х гг. Борисе Личнове.

Одновременно Валентина Васильевна собирает материал о лучших выксунских журналистах 20–30-х гг.: Валентине Тараканове, Николае Безрукове, Дмитриии Егорове и других.

Краеведение требует большой самоотдачи.

Из автобиографии: «Краеведение – дело интересное, но серьезное и трудное, требует навыков исследовательской работы. Это всегда поиск. Горы книг, десятки запросов в музеи и архивы – все ради того, чтобы найти свежий факт, важную деталь, новое слово».

Каждый факт, каждую деталь Валентина Васильевна старается подкрепить документальной основой. Читальные залы библиотек Нижнего Новгорода (тогда – Горького), Москвы, Государственной библиотеки им. Ленина, залы редких книг и диапозитарины, Музей книги, запасы Третьяковской галереи. Что-то приходит по межбиблиотечному абонементу, куда-то исследователь едет сама. Запросы в архивы Нижнего, Ленинграда, Иванова, Тулы, Воронежа, Смоленска, в центральные архивы. Сотни писем, среди которых ответы от писателей Л. Леонова и В. Каверина, артиста Т. Лондона, искусствоведа Л. Иткиной.

Особое место в исследованиях Валентины Васильевны занимает тема: «Сухово-Кобылины и Выкса». Более 15 лет краевед собирает по крупицам данные о связях известного драматурга с нашим краем. Первая статья по теме названа словами писателя «На Выксе писал пиесу...». Исследования Валентины Васильевны легли в основу музейной экспозиции, посвященной творчеству А. В. Сухово-Кобылина.

Еще один герой: толстовец-выксунец Рошин. В архиве Балдиной хранятся копии переписки Л. Н. Толстого и С. И. Рошина.

Пишет Валентина Васильевна о фольклористке Н. Д. Ковмовской, о нашем земляке Н. П. Ключареве, о досчатинском поэте Н. Сидельникове, о романисте А. Письменном, об одном из первых выксунских краеведов А. Лопатине.

Статьи Валентины Васильевны в середине 80-х появляются в «Выксунском рабочем», материал «О чем рассказало старинное письмо» опубликован в областном сборнике «Крае-

ведческие чтения-92». Краевед выступает с лекциями в учебных заведениях города, проводит цикл передач на радио.

За без малого тридцать лет собран большой материал о культуре, литературе, талантливых людях выксунской земли. Многие уже напечатано, что-то ждет своего часа, какие-то факты требуют осмысления и дополнительной работы.

На письменном столе в небольшой квартире Валентины Васильевны — скромная настольная лампа, стопка книг, аккуратно расставлены ручки и карандаши. Моей собеседнице трудно — всю жизнь она говорила и писала о других, восхищалась их достижениями, огорчалась их бедами. Поэтому рассказывать о себе — непривычно и как-то неловко.

Но истинный профессионализм — он во всем. И я получаю зеленые школьные тетрадки, на которых четким подчерком значится: «В. Балдина. Автобиография. 2007».

Это писалось не для других — для себя, в попытке подвести итоги долгой непростой жизни. Почти без эмоций, строго и сдержанно, только констатация фактов на уровне «Сделано, сделано, сделано...»

И я в который раз после знакомства с этой женщиной думаю — дай Бог каждому прожить такую жизнь и иметь возможность подвести ТАКИЕ итоги.

Валентине Васильевне будет 82. Часто подводит здоровье, но вот штампованная фраза «Годы берут свое» к этому человеку как-то совсем не подходит. Скорее наоборот: прошлое, пусть неохотно, отдает ей свои сокровища. Она же, оставляя настоящему новые материалы, исследования, факты, находки, спрашивает судьбу не «Сколько осталось?», а «Сколько еще успею?».

От неуютных дум спасается Пушкиным, «Словом о полку Игореве», Маяковским... Даже не перечитывая, нет — память услужливо подсказывает дорогие строки.

Мне, право, жаль, что не довелось побывать на уроках Валентины Васильевны. Кто знает, может, тогда «Войну и мир» я прочла бы не в 30, а в положенные 16...



Елена Ивановна
ЛИПАТОВА

УЧИТЕЛЬНИЦА

Незаметно промелькнули школьные годы, оставив в душе лёгкую грусть воспоминаний. Вот я уже вполне взрослый человек, а стоит только увидеть школу, войти в неё, и замирает сердце, как при вызове к доске, опять чувствуешь себя робкой ученицей.

Обычно я приезжаю в Выксу поздно вечером, и первый, кто встречает меня в городе, — школа. Моя школа. Остаиваюсь, тихо говорю: «Здравствуй, школа. Вот мы опять встретились. А я уже на 5-м курсе. Как быстро летит время...»

У каждого человека в школьные годы были свои любимые уроки, свои любимые учителя. Пройдёт много лет, робкий школьник обростёт впечатлениями, опытом, знаниями, но память о любимом школьном учителе не поддаётся разрушающему действию времени.

Началось всё с 8-го класса, когда нам сказали, что теперь уроки литературы будет вести новая учительница — В.В. Балдина. И как это обычно бывает в школе, мы заволновались, начались расспросы старшеклассников. Выяснили: «Строгая!».

Первый урок. Тема — древнейшие памятники русской литературы. Заранее настроились на скуку. Но наш скептицизм улетучился, как только новая учительница перешла к объяснению материала. Мы онемели от захватывающе-интересного времени XI—XII веков, когда на землю русскую совершали частые набеги половцы, «а у князей вместо борьбы с погаными междоусобия». Свой рассказ учительница подкрепляла иллюстрациями художников. Мы вдруг прозрели. Прозрели, потому что ощутили красоту древнего, величественного слова, плавное течение речи, прониклись уважением к неизвестному автору «Слова о полку Игореве».

Валентина Васильевна крепко взялась за просвещение наших умов. На каждом уроке обязательно выяснялось, что мы очень мало читаем, что не знаем того или другого произведения литературы. Она возбуждала в нас тягу к книгам, жажду знаний. После занятий я обязательно бежала в библиотеку и набирала книг, желая восполнить пробелы.

У каждого из нас был дневник читателя, в который мы записывали прочитанные книги, краткое их содержание и свои размышления. Раз в месяц Валентина Васильевна проверяла их. Эти дневники научили нас мыслить самостоятельно, разбираться в литературном произведении без помощи учебника.

В 1961 году исполнялось 100 лет со дня смерти великого кобзаря Украины Т.Г. Шевченко. Валентина Васильевна стала готовить с нами вечер. Класс расцвёл талантами. Вечер вызвал чувство восторга. Поэзия Шевченко открылась нам своей новой стороной. Стихи стали понятнее и дороже.

В 10—11-м классах у нас были уроки внеклассного чтения, на которых мы познакомились с творчеством М. Джалиля, Э. Межелайтиса, Ч. Айтматова. Каждому такому уроку предшествовала тщательная подготовка.

Валентина Васильевна обобщила опыт работы этих уроков, написав доклад. Доклад слушался на областных педагогических чтениях в 1965 году, потом в числе лучших он был отправлен на Центральные педагогические чтения в

Москву. За свой доклад она награждена Почетной грамотой Академии педагогических наук.

Сейчас Валентина Васильевна, кроме основных уроков, ведёт факультативные занятия по литературе. На факультативе углублённо, не спеша ученики занимаются своим любимым делом – литературой, знакомясь с творчеством писателей, которые в школьной программе не значатся.

Ни один свой урок Валентина Васильевна не проводит сухо. Её взволнованность передаётся ученикам. Творчество на уроках – первое требование учительницы.

По всей стране разбросала судьба учеников Валентины Васильевны. Одни стали инженерами, другие – врачами, третьи – учителями, но через всю жизнь они пронесут любовь к литературе. Некоторые, покорённые учительским талантом Валентины Васильевны, помня её вдохновенные уроки, сами стали преподавателями литературы. В. Земцова, окончив Кировский педагогический институт, работает преподавателем русского языка и литературы; Е. Востокова после окончания филологического факультета Горьковского университета учит детей в Димарской школе.



В. В. Балдина с учениками школы №11, 1970 г.

В этом году В.В Балдиной присвоено звание «Отличник народного просвещения». Мы горды за неё, рады и счастливы.

Помню, однажды на уроке внеклассного чтения В. Земцова читала слова из повести Ч. Айтматова «Первый учитель»: «Учитель, спасибо вам за то, что вы родились таким... Я хочу обнять и поцеловать вас». От волнения перехватило дыхание, мы повторяли эти слова, обращая их к нашей учительнице... Тогда мы стеснялись произнести их вслух. Но вот сегодня я от имени всех ваших учеников говорю: «Спасибо, спасибо за благословенные дни приобщения к миру прекрасного, спасибо за щедрость души вашей, педагогический и человеческий такт, за мудрые советы, за то, что вы – самое светлое, ясное воспоминание наших школьных лет».

ПРОШЛО СОРОК ЛЕТ...

Эту статью я написала в 1969 году, во время своей журналистской практики в газете «Выксунский рабочий».

Тогда, во время обучения на филологическом факультете (отделение журналистики) Саратовского госуниверситета, поняла, что пришла в вуз с отличным багажом знаний по литературе.

Сокурсники удивлялись, преподаватели спрашивали, кто был мой учитель и в какой школе дают такие объёмные знания. Я отвечала: «В Выксе, а мой учитель – Валентина Васильевна Балдина». И начинала рассказывать о её уроках, каждый из которых был откровением; о факультативных занятиях; о постановках по пьесам русских писателей; о потрясающих по накалу чувств и эмоций литературно-музыкальных композициях по произведениям классиков. Я видела, что мои собеседники мне завидуют, и была счастлива.

И сколько бы лет ни прошло, всегда с особой сердечностью и нежностью, глубокой благодарностью буду вспоминать уроки любимого учителя и повторять: «Спасибо вам за то, что вы были в моей жизни».

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ

Это очень важно: иметь в жизни настоящего Учителя. Сверять по нему поступки. Спорить с ним. Думать: «А как бы он поступил на моём месте? Одобрил или нет мой выбор?» И если такой Учитель есть в вашей жизни, — считайте, что вы счастливый человек.

Елена Павловна Гостева тоже училась у Валентины Васильевны Балдиной, но немного позднее. За её плечами металлургический техникум, работа инженером-технологом на заводе ДРО, институт иностранных языков, преподавание английского в средней школе №6.

Моё краткое интервью с ней — об Учителе, о Валентине Васильевне.

— *Елена Павловна, как правило, уроки любимого учителя помнятся всю жизнь. Чем были они для вас?*

— О Валентине Васильевне могу сказать только хорошее. С ней связан самый сложный и ответственный период учёбы: 9–10-й классы, когда мы строили планы на будущее, готовились к поступлению в вузы. Бесконечно благодарна всем учителям школы №11, которую окончила в 1969 году.

Но уроки Валентины Васильевны и особенно факультативные занятия по литературе — лучшие в моей жизни. Каждый её урок — это талант, глубочайшее знание предмета, кропотливая работа, высочайшая требовательность к себе. Мастерство учителя заставляло больше заниматься, глубже вникать в содержание произведений, учиться анализировать их. То же самое хочу сказать о факультативных занятиях.

— *Какое-нибудь одно занятие можно выделить?*

— Трудно назвать какое-то одно: каждое было очень интересным, насыщенным, требовало полной отдачи.

Эта работа по уровню сложности была выше, чем уроки по школьной программе. Два года мы изучали лучшие произведения советской поэзии и прозы, получали навыки литературного анализа, задумывались о серьёзных проблемах.

Особенно запомнила я занятия по произведению Константина Симонова о войне — «Живые и мёртвые». После яркого

вступительного слова Валентины Васильевны мы с интересом читали роман. Потом, опираясь только на прочитанный текст и комментарии учителя, сами объясняли события и поступки героев, давали им собственную оценку. Такая самостоятельность была посильной и пришлось всем по душе.

Не менее интересно было изучать творчество Самуила Яковлевича Маршака. Я знала немало его весёлых и остроумных детских стихов, а на занятиях факультатива познакомилась с ним как замечательным, талантливым поэтом и прекрасным переводчиком.

– *Работа кропотливая, глубокая, серьёзная. Пригодилось ли это в жизни?*

– Да. Я научилась разбираться в литературе, отличать серьёзные, настоящие произведения от легковесных, обогатилась духовно.

Приведу лишь один пример. Через 20 лет после окончания школы я поступала в Горьковский институт иностранных языков и без особой подготовки получила оценку «5» за экзамен по литературе.

В заключение хочу сказать: встреча с таким талантливым педагогом, как Валентина Васильевна Балдина, была для меня щедрым подарком судьбы. Счастлива, что училась у неё – Мастера, Учителя и прекрасного человека.



В. В. Балдина в учительской школы №12, 1980 г.



Галина Константиновна
НИКУЛИНА

КРАЕВЕД

С Валентиной Васильевной Балдиной судьба свела меня в благодатные 1980-е годы, когда были в расцвете организации, пропагандировавшие историю выксунского края: общество «Знание», Общество охраны памятников истории и культуры, Бюро путешествий и экскурсий. Председателем президиума Выксунского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры был в те годы Александр Александрович Козерадский. Он внёс огромный вклад в дело сохранения для потомков памятников истории и культуры. Будучи в то время директором Выксунского музея, я также являлась членом президиума ВОООПиК (сокращенное название общества).

Там я и познакомилась с Валентиной Васильевной. Она, как и все члены президиума, входила в лекторскую группу, главной задачей которой являлась пропаганда выксунской истории среди учащихся школ, профессионально-технических училищ, техникума. Валентина Васильевна Балдина читала лекции по литературному краеведению, на темы, до неё никем не разработанные и не изученные. Особый интерес у молодёжи вызывали предания и легенды

выксунской земли. Подготовлены они были с использованием фольклорного материала, собранного нижегородским учёным В.Н. Морохиным и московской фольклористкой Н.Д. Комовской.

В 1986–1987 гг. по поручению гороно Валентина Васильевна руководила лекторием для учителей истории, географии и литературы «Выкса. Прошлое и современность». Этот лекторий способствовал расширению кругозора учителей, дал им возможность получить новые знания по истории и литературе нашего края, а также получить ответы на все вопросы, входящие в учебные программы и касающиеся истории выксунского края. Впервые были услышаны лекции: «Выксунские предания и легенды»; «Семья Сухово-Кобылиных»; «Драматург Александр Васильевич Сухово-Кобылин и Выкса». Город у нас небольшой, резонанс от впечатлений у слушателей был огромен. Валентину Васильевну пригласили на большую аудиторию – прочитать цикл лекций по городскому радио (проводное радио тогда было в каждом доме).

Это был самый массовый лекторий для выксунцев. С 1988 по 1991 г. Валентина Васильевна записала на радио



В. В. Балдина в музее Ключарёва

большой материал, включающий в себя три части: «Предания и легенды выксунской земли», «Семья Сухово-Кобылиных и Выкса», «Выкса в художественной литературе дореволюционного и советского периода».

Четыре года Выкса слушала Валентину Васильевну, её замечательный голос, грамотную, выразительную русскую речь. Ей звонили выксунцы, выражали благодарность после каждой передачи. Мне приходилось слышать: «Неплохо бы некоторым дикторам поучиться у неё русскому языку».

Отдельной строкой следует упомянуть о сотрудничестве Валентины Васильевны с газетой «Выксунский рабочий». За период 1984-1999 гг. в газете были опубликованы 16 статей с новыми исследовательскими материалами, с ссылками на серьёзные источники. Выксунцы узнали о поэтах Борисе Личнове, Якове Шведове, Николае Флёрове, художнике М.В. Доброковском, журналисте Николае Безрукове. И, конечно же, были опубликованы новые исследовательские находки, связанные с именем А.В. Сухово-Кобылина.

В конце 80-х годов, когда заканчивался капитальный ремонт в Баташевском доме, я как автор новой экспозиции попросила Валентину Васильевну помочь собрать материал для зала «Сухово-Кобылины и Выкса». Валентина Васильевна оказала неоценимую помощь в создании экспозиции. Работая в фондах Государственного литературного музея в Москве, в запасниках Третьяковской галереи, в Государственной библиотеке им. Ленина, в ЦГАЛИИ (Центральный Государственный архив литературы и искусства) и др., она разыскала для музея ценнейшие сведения, нашла источники, ранее никогда не озвученные.

Достаточно сказать, что в России даже в литературных музеях нет экспозиций, посвященных драматургу А.В. Сухово-Кобылину. А в Выксунском музее был показан кабинет писателя с мебелью XIX в., документами и фотографиями, найденными Валентиной Васильевной.

В 2007 году меня пригласили работать в Центральную районную библиотеку. И судьба вновь свела меня с ней,

известным выксунским краеведом, имя которой знали уже за пределами нашего провинциального города. В том же 2007 г. по инициативе администрации Выксунского района решено было издавать краеведческий альманах «Приокская глубинка», отражающий историю выксунского края. Редактировать сборник было предложено мне. Зная о том, что у Валентины Васильевны «в столе» хранится множество подготовленных ею, но ещё не опубликованных материалов, я пошла к ней.

В девяти выпусках альманаха напечатано восемнадцать статей В.В. Балдиной. Знатоки и любители истории – выксунцы, живущие в городе или по разным обстоятельствам не живущие здесь, ждут с нетерпением каждого нового выпуска сборника, зная, что за подписью «В. Балдина» они прочтут интересный, проверенный, обязательно с ссылками на источники, материал о родной Выксе и её знаменитых людях.

И это неудивительно. Читателя, как и слушателя, не обманешь. За каждой работой Валентины Васильевны виден титанический труд по выявлению фактов, касающихся тем, ею разрабатываемых. Ибо все её краеведческие труды выполнены с полной самоотдачей и целеустремлённостью. Она никогда не спешит обнародовать не полностью законченный, сырой материал, она будет докапываться, пока не исчерпает все возможности в своём очередном исследовании. Вот эта черта и отличает её от многих краеведов. Что греха таить, есть среди нас такие, которые считают, что краевед и популяризатор истории – одно и то же.

Ведь изначальный смысл слова «краеведение» подразумевает не просто знания о чем-то, но и путь к овладению ими. Валентина Васильевна знает, в каком направлении идти, поэтому имеет результат. Объём её литературных краеведческих исследований не имеет аналога. Большое видится на расстоянии. Время – справедливый и суровый судья. Думаю, что потомки по достоинству оценят тот вклад, который внесла Валентна Васильевна Балдина в выксунское краеведение.



Валентина Васильевна
БАЛДИНА

«КРАЕВЕДЕНИЕ – ДЕЛО СЕРЬЕЗНОЕ»

За последние годы в нашем городе сильно вырос интерес горожан к истории своей малой Родины. Это было связано, очевидно, и с прошедшим юбилеем металлургического завода, и с созданием Книги памяти, и с телевизионным проектом «Душа России». Краеведы обычно выступают на страницах нашей газеты со своими статьями, о себе же говорят скупко. Е. Липатова обратилась к В. В. Балдиной, чьи статьи по литературному краеведению вызывают у читателей неизменный интерес.

– *Что для вас краеведение? Какая тема самая любимая и серьёзная?*

– Краеведение – дело не только увлекательное, но серьёзное и трудоёмкое. И это всегда поиск. Горы книг перевернёшь, десятки запросов в музеи и архивы сделаешь, прежде чем найдёшь свежий факт, важную деталь, новое слово о Выксе.

Пятнадцать лет отдала я совсем не разработанной прежде в выксунском краеведении теме «Сухово-Кобылины и Выкса». Ежегодно занималась в зале ценных книг в главной библиотеке страны в Москве. Выписывала материалы из библиотек, музеев и архивов других городов. Порой

сидела за письменным столом по 8–10 часов в сутки. Довелось мне – и не без пользы – поработать в фондах Литературного музея, в запасниках Третьяковской галереи. Это нелёгкая исследовательская работа. И есть у меня в ней счастливые озарения и находки.

– *Такие, о которых помнят всю жизнь?*

– Да. Никогда не забуду свою первую удачу. Читаю в журнале «Полярная звезда» за 1881 год статью «Н.Н. Кудрявцев. Воспоминания». Название её, казалось, никакого отношения к Выксе не имеет, но автор – Елизавета Васильевна Сухово-Кобылина. Читаю и вдруг обнаруживаю девять (!) страниц о Выксе 1854 года: здесь описание господского дома с его легендами и тайнами, хозяева и гости, их занятия, полковник в отставке Василий Александрович Сухово-Кобылин. Конечно, радость великая!

Много желанных находок было, когда искала материал о младшей Сухово-Кобылиной, Софье. Это и копия письма художника Е. Мейера из Выксы от 15 августа 1851 года с интереснейшей характеристикой Софьи Васильевны, его талантливой ученицы в живописи. Это и рисунок художницы в альбоме её сестры Евдокии, который был сделан с натуры в имении Шепелевых в 1852 году. Это, наконец, название выксунского пейзажа, так долго разыскиваемое мною и обнаруженное в перечне картин, представленных Советом Академии художеств императору. Именно за эту картину – «Вид из окрестностей р. Выксы близ Муром» – и два крымских вида Софья Васильевна, первая из русских женщин, была награждена большой золотой медалью при окончании Академии.

Самым важным в моих краеведческих поисках, несомненно, было всё, что связано с гениальным русским писателем Александром Сухово-Кобылиным. Хотя творчество его привлекало и привлекает внимание многих исследователей, но никого из них связь драматурга с Выксой, разумеется, не интересовала. И в выксунском краеведении об этом были глухие, смутные, не подкреплённые документами сведения.

В архивном сборнике «Встречи с прошлым» нашла наконец-то расшифрованные дневники А.В. Сухово-Кобылина за 1827–1857 годы, а в них его записи о пьесе «Свадьба Кречинского».

Они плюс сведения из работ исследователей, прежде всего Н.Д. Комовской, и позволили сказать уверенно: знаменитая, ставшая классикой комедия создавалась большей частью в Выксе, в имении Шепелевых.

Но больше, пожалуй, чем дневники, обрадовали меня четыре неизвестных местному

краеведению письма писателя к родным, в которых упоминается Выкса. Я обнаружила их в сборнике «Труды Государственной библиотеки им. Ленина». Живые страницы прошлого, они помогли зримо представить всю талантливую семью Сухово-Кобылиных, понять богатую и сложную личность самого драматурга, характер его отношений с Николаем Шепелевым, уточнить его связь с нашим краем. Считаю, находка этих писем — большая удача.

Постепенно, факт к факту, слово к слову, собрала я большой материал по теме «Сухово-Кобылины и Выкса». В 1991 году меня пригласили в музей истории металлургического завода, и около полугода я готовила материал к экспозиции о Сухово-Кобылиных, которая сейчас занимает целую комнату в Баташевском доме. Время было благодатное! Я получила возможность съездить в Москву в Литературный музей, работала в его фондах и фототеке. В музее Аксакова видела я тогда в экспозиции «Литература 40–60-х годов XIX века» два портрета А.В. Сухово-Кобылина работы художника В. Тропинина. В запасниках Третьяковки мне показали работы Софьи Сухово-Кобылиной и её портрет кисти И.С. Ксенофонтова, ученика К. Брюллова. Впечатления незабываемые!



В. В. Балдина, 1967 год

Материал о Сухово-Кобылиных и их связях с Выксой был использован мною в лекциях по литературному краеведению для учителей и учащихся школ города, в беседах на местном радио. Он вошёл в мои статьи, которые печатались в вашей газете (первая из них – «На Выксе писал пиесу...» – опубликована была летом 1988 года, последняя – осенью 1997 года). По-видимому, статьи эти привлекли внимание, потому что уже сделана попытка, присвоив мой наиболее ценный материал, опубликовать его под своим именем в областном журнале.

Да, кажется, сделано немало. Но мне ещё есть что сказать любознательному выксунскому читателю. На очереди – рассказ о дружбе Александра Сухово-Кобылина и Николая Шепелева¹.

ПЕРВЫЕ КРАЕВЕДЫ ВЫКСЫ. А. А. ЛОПАТИН – ЗНАТОК И БЫТОПИСАТЕЛЬ ВЫКСУНСКОЙ СТАРИНЫ

Краеведение – изучение природы, населения, хозяйства, истории и культуры края (района) главным образом силами местного населения.

Из энциклопедического словаря.

Выксунское краеведение началось не вчера и не с сегодняшних краеведов, как кажется некоторым, а более века тому назад. Под ногами у него надёжная народная основа. За его плечами – десятки лет работы известных и безымянных краеведов, их пытливый ум, их кропотливый, самоот-

¹ Краеведческий альманах «Приокская глубинка» № 1, 2 за 2007 г.: «На Выксе писал пиесу...» (о драматурге А. В. Сухово-Кобылине и его комедии «Свадьба Кречинского», сцены которой были написаны в Выксе). «Письма больше, чем воспоминания» (А. В. Сухово-Кобылин и его письма к родным). «О чем рассказало старинное письмо» (о художнице С. В. Сухово-Кобылиной).

верженный, бескорыстный труд по собиранию, изучению и пропаганде знаний о родном крае.

К Выксе далёкого прошлого, XVIII–XIX веков, обращались прежде всего наши первые краеведы-энтузиасты: Н.П. Голованов, А.А. Лопатин, Н.П. Соколов, А.Ф. Зыкин, Н.И. Гальянов, В.П. Порхачев. Выксунская старина была им интересна и дорога. Они трудились ради пользы для своей любимой малой Родины, не думая о славе и регалиях. Записи, заметки, воспоминания – материалы, оставленные этими краеведами-любителями, и в наше время представляют большую ценность, интересны выксунцам. А для нас, сегодняшних краеведов, здесь начала новых поисков, находок, открытий. И мы низко кланяемся этим хранителям бесценной народной памяти. Но должны признаться: не так много знаем о них, первых. Давно пора сказать о каждом верное, доброе, благодарное слово.

Были среди них и люди литературно одарённые. Таким я считаю старейшего выксунского краеведа Алексея Алексеевича Лопатина (1867–1938 гг.?). Об этом замечательно интересном человеке мой рассказ, дорогие читатели. Известно, что это был агент конторы Общества Выксунских горных заводов, что он увлекался нашей историей и оставил свои записи и литературные опыты. Н.П. Ключарёв, автор дилогии «Работные люди», вспоминая, как делал первые шаги в краеведении, сказал: «Многое в моих изысканиях о Выксе дало знакомство с бывшим выксунцем А.А. Лопатиным, а главное – архивы»². Заметим: Николай Петрович выделяет Лопатина из числа других знакомых ему любителей родной старины как серьёзного знатока Выксы. Интересно и другое: сопоставление – Лопатин и... – архивы! Почти на равных, не так ли?

В своих письмах ко мне Н.П. Ключарёв называет этого краеведа то бывшим выксунцем, то москвичом. Так кто же и откуда он, Алексей Лопатин? Вопрос важный. На него ответил он сам: «Я потомок выксунского артиста Трофима Сергеевича Жукова, учившегося в Московской школе теа-

² Письмо из Саратова. 11 ноября 1983 г. Мой архив.

трального искусства на средства Шепелевых. В эту школу (на Неглинке) я иногда захожу и ищу кое-что». Так написал А.А. Лопатин 11 апреля 1925 года из Москвы в Выксу заводскому архивариусу Алексею Фёдоровичу Зыкину, с которым состоял в многолетней переписке. Отрывки из этого интереснейшего письма были опубликованы в 1989 году в статье журналиста М.М. Рогова «Были и легенды выксунской старины» с очень ценными комментариями автора³.

Итак, дорогие читатели, Алексей Алексеевич Лопатин — потомок выксунского артиста, талантливого крепостного, которого помещик определил на учёбу в Москву. Скорее всего, это произошло в 1830—1840-е годы, в пору расцвета нашего крепостного театра. Тогда хозяином на Выксе был И.Д. Шепелев (в 1838—1846 гг.). Иван Дмитриевич, как прежде И.Р. Баташев, «любил окружать себя талантливыми людьми, любил поощрять их таланты, давая возможность учиться у специалистов»⁴ дома или в столице. Так пишет Н.Д. Комовская (о ней я уже рассказывала⁵) в своём серьёзном исследовании о домашнем театре Баташева — Шепелевых. Могло это случиться и при младшем Шепелеве, Николае Дмитриевиче, который называл себя «одним из ревностнейших жрецов сценического искусства» и всей душой был предан театру. Н.Д. Комовская называет имена некоторых актёров того далёкого времени, сохранившиеся в памяти старожилов Выксы. Это дочери крепостного управляющего И.И. Кочетова: Мария — драматическая артистка, Елизавета — певица, Любовь — балерина. Это Варвара Житкова, прима-балерина, артист Гальянов, танцор Жуков⁶. Несомненно, самые одарённые. Да, в их числе Жуков, тот самый, которым А.А. Лопатин гордился.

³ М.М. Рогов. «Были и легенды выксунской старины». «Выксунский рабочий», 3 июня 1989 г.

⁴ Н.Д. Комовская. «Из истории крепостного театра в Выксе». — Ст. «Люди русского искусства». Горький, 1960 г. с.15.

⁵ О Н.Д. Комовской. В. Балдина. «Дело её жизни». — «Приокская глупинка». 2009. №1. с. 3—28.

⁶ Н.Д. Комовская. «Из жизни крепостного театра». — Ж.. «Театр». 1978 г. №12. с. 122.

Судьба этого человека, скорее всего, простой не была. Шепелев, как и другие владельцы домашних театров, «не любил давать вольную» своим талантливым крепостным, «отзывая обратно всякий раз, как только подходил к окончанию срок их обучения»⁷. Получил ли Трофим Жуков от своего барина вольную, как сложилась его судьба дальше, мы не знаем. Неизвестно, в каком именно родстве с ним состоял А.А. Лопатин. Но одно очевидно: корни рода Алексея Алексеевича — в Выксе; его глубокий интерес к истории здешних заводов, к Баташевым, хорошее знание старой Выксы понятны и объяснимы.

Далеко не все факты жизни Алексея Лопатина мы знаем, но все известные нам так ярки, так значительны, так о многом говорят. Они помогут получить представление об этом незаурядном потомке шепелевского крепостного Трофима Сергеевича Жукова. И вот что ещё важно: А.А. Лопатин на нашей земле не просто корни имел — он был выксунцем. Называют местом его рождения Досчатое, но документально это не подтверждено. Я же сошлюсь на утверждение историка-исследователя А.Г. Киселёва: «Алексей Алексеевич родился в 1867 году в селе Сноведь, при Сноведском заводе, славившемся своим художественным литьём, в семье потомственных мастеровых»⁸.

Многие годы его жизни прошли в родном селе, к которому он сердцем прирос. А то село особенное: известно оно было не только мастерами художественного литья, но славилось (и славится!) знатоками народного поэтического слова: преданий, легенд, сказок, песен⁹.

Алексей Лопатин рос среди простого народа, народное творчество вошло в его душу с детства. А началось увле-

⁷ Н.Д. Комовская. «Из жизни крепостного театра». — Ж. «Театр». 1978 г. №12. с. 122.

⁸ А.Г. Киселёв. «Историография совместной предпринимательской деятельности Андрея Родионовича и Ивана Родионовича Баташевых в Приокском регионе». — Дипломная работа. Курск. 1999 г. Фонд библиотеки «Отчий край». Копия. с. 10.

⁹ Н.Д. Комовская в 1937 году записала в Сноведи 11 преданий. Позднее ни одна нижегородская фольклорная экспедиция не обходила Сноведь стороной.

чение фольклором, видимо, в семье. Лопатины, люди старого закала, свято хранили предания о свих предках — староверах, память о Домне Лопатиной. По духу она была единомышленницей боярыни Морозовой. Думаю, мои читатели слышали о знаменитой боярыне-раскольнице. Враг церковной реформы патриарха Никона (XVII в.), она подверглась пыткам и заточению, но не отреклась от старой веры. О ней рассказывает нам картина В.И. Сурикова «Боярыня Морозова» (1887 г.), один из шедевров русской исторической живописи. Сильной и непреклонной в своих убеждениях была Домна Лопатина, которая в пору церковных гонений тоже пострадала за веру. Предания о «духовных подвигах» боярыни Морозовой и Домны Лопатиной уже с детства слышал Алексей в своей семье. Они вызвали живой интерес к староверам, сохранившийся у него на долгие годы. Увлекательные рассказы родных о прошлом, предания односельчан упали на добрую почву. Рано возникло у Алексея Лопатина внимание к фольклору родных мест, серьёзный интерес к выксунской истории. Он, служащий заводской конторы в Сноведе, стал записывать народные предания и легенды, собирать сведения о своём крае, копить архив. Краеведение увлекло его, стало главным в жизни.

В 1913 году А.А. Лопатина перевели в заводскую контору в Муром. К этому времени он не только имел большой материал по истории выксунского края, но и делал его обработку. Решиться на столь большой и новый труд было, конечно, нелегко. Его намерение укрепило, как считает историк А.Г. Киселёв, знакомство в Муроме с сочинениями о Выксе: очерком П.П. Свинына «Заводы, бывшие И.Р. Баташева...»¹⁰ и статьёй И. Рудневича «Баташевы»¹¹. Свою первую и основную работу по краеведению Алексей Лопатин назвал «Выксунская старина». Главы этого очерка печатались на пишущей машинке и из Мурома переда-

¹⁰ Свинын П.П. «Заводы, бывшие И.Р. Баташева, а ныне принадлежащие генерал-лейтенанту Д.Д. Шепелеву и его детям». СПб., 1826 г.

¹¹ И. Рудневич. «Баташевы». РБС., 1890 г.

Ваше письмо не известно куда.

29^{го} Января
рובה ввѣд
года после
Ивановна
с генера-
Дмитриев
чер
внъ брата
Генерал
четырёх
Николай
шуръ за



1913 года, волею не-
щастъ ретаре
свадьба Дарья
Батамановъ
момъ Дмитрия
пемъ Шенгелевн,
Иванъ Роданко-
шевъ.
Шенгелев имѣет
детей: Мелана,
Анна - вѣнцъ-
Князьъ Мѣва

Выксунский театр (рис. А.А. Лопатина)

10.

К вѣнцу ведут невесты



Сварядили в вѣнцъ Матрешу, пѣвучую еѣ
четыре свертанцы-подружки дѣвицы; а пятая
замужняя - свала холодаю повела еѣ в церковь,

К вѣнцу ведут невесту (рис. А.А. Лопатина)



Рабочие в кузнице (рис. А.А. Лопатина)



Выксунский дом братьев Баташевых (рис. А.А. Лопатина)



31.

Эй, мать,
ветер,
не дуй...
Мне не надо-
бен нам.
Вам с тобой
не дождался
эт года тема.
Ломь ба рац
без тебя
будитесь поля



Ломь ба рац,
без тебя
Прогудится и
нам.
Отстроится
ба дух
В человекей
грудь
И забьем ба
мы море
склоба и мезу

Лиза с отцом.

Лиза Жукова с отцом (рис. А.А. Лопатина)

Заведено было до сведения Горного начальства о мун-
дических порубках целного леса; пока шел суд, дядю,
пристанская гора была пуста.



Церковь на Выкке, и
дом для приюта утроб
них рабочих при
ней, были первым
делом моего приезда
при возвращении
из Краи.
Дом каменит,
и деревянное при
ней пристройка, напо

Малая церковь в Выкке (рис. А.А. Лопатина)





Дозорный при магазинах (рис. А.А. Лопатина)

Опустил занавес.
Уланова тотчас же Шенелев и
Безуглов взяли под арест, в зал



"Полтучей" называлась. Высокая, неуклюжая
жила в недалеке от Выксунской главной конторы
В эту башню сажали провинившихся работ
за кражи, за опущение, и за волноудуши
сидели старожилы по разным наветам, кон
селили на "Козье болото" за Сноведь, коф

Режиссер Выксунского театра Уланов (рис. А.А. Лопатина)

судьбою, — говорится в истории заводов.

« — Трудами под руководством опытного основателя, Шенселев делалась сам добрым хозяином.

Это весьма пригодилось ему по кончине Ивана Ротконовна, когда он должен был один управлять и делами.

« — Будучи предприимчивым, и прибавившим на военной службе к аккуратности, Шенселев приучил всех относиться сознательно к делу, « — Впервые он искоренил вредную привычку Горюхины человека как со стигмией и без разбора рубить и хлестать вековой лес. При нем началась разумная заготовка леса для домашнего производства.

« — При жизни Баташева в 1810 году, он построил на Выхке «Средний завод» для выделки мушкетерских окрестных крестьянству кос и серпов, а также и металлической посуды.

« — В 1812 году, им организовано производство при Среднем заводе и наконец — сухожарный завод.

« — В 1815 году, когда два Выхкинца — рабочие, Лукин и Лестрезов, после долгих опытов построили первую паровую машину на Выхке силой в 12 лошадиных сил, и успешно применили ее к домашним делам, — Шенселев не останавливается над затратою средств для дальнейшего совершенствования заводского дела, и потерял реальную уверенность в приходе, показанном самородками механиками Лукиным и Лестрезовым, что в народной массе скрыты богатейшие таланты, ценность которых неизмерима. Он дал широкий путь для опыта и проявления себя самородкам; направлять

вались в Выксу Николаю Ивановичу Гляянову, главному бухгалтеру Общества Выксунских горных заводов. Именно ему, тоже страстному краеведу, посвятил А.А. Лопатин «свой малый труд». Отдельные главы «Выксунской старины» позднее, в 1916 году, были опубликованы в газете «Муромский край». К тому времени в Выксе очерк Лопатина уже был знаком многим: он распространялся в списках. Каждый выксунец, хоть сколько-нибудь интересующийся своей историей, считал обязательным иметь в доме копию «Выксунской старины»¹².

Замечательно, что интерес к этой большой работе А.А. Лопатина, хотя найденный полный текст её до сих пор не напечатан, сохранился до наших дней. Разумеется, это не случайно. В «Выксунской старине» автор является нам как знаток прошлого своего края, как своего рода исследователь и бытописатель. Он прослеживает историю Выксунских заводов от их начала, рассказывает о братьях Баташевых, их разумной и благотворной деятельности, об их характерах и судьбах. А.А. Лопатин использует при этом некоторые исторические документы и широко включает местные предания и легенды. Очерк основателен и весьма любопытен, хотя не всё в нём бесспорно.

Анализ «Выксунской старины» читатели найдут в уже упоминавшейся мной работе А.Г. Киселёва. Указывая на ошибки и неточности в очерке, историк-исследователь отмечает и его большие достоинства. Он называет это сочинение ценным, считает его серьёзным подступом краеведа-любителя, каким и был А.А. Лопатин, к научному изучению исторической баташевской темы, которое началось значительно позднее. Таковы выводы историка.

Меня, филолога, в «Выксунской старине» заинтересовало и другое, о чём я и хочу рассказать вам, мои читатели. На мой взгляд, произведение Алексея Лопатина точнее назвать историческим повествованием. И объём его выходит за рамки очерка, и довольно свободная манера изложения,

¹² В моём архиве копия «Выксунской старины» со списка, хранившаяся в заводской библиотеке ВМЗ, датирована: 1910–1913 годы.

и эмоциональность. Иногда рассказ автора напоминает народную быль или песню: он музыкален, с внутренним ритмом. Предания и легенды А. Лопатин даёт в чистом виде, без комментариев, без исторических пояснений. Это предания о заселении здешних мест, о топонимах, о разбойниках Муромских лесов, о попе Сороке, староведах, о Баташевых и др. Привожу отрывок из «Выксунской старины», чтобы познакомить вас с этим сочинением А. Лопатина:

«Так повествовали эти старики. С разных мест, не только своей родины Руси, но и Польши, даже из Австрии, собирались они в непроходимые Муромские леса, на реку Оку, где удалые лихачи добывали себе чеканную свободу – золото, а богобоязненные люди в тиши лесов искали божьей правды, в подвигах молитвы находили душевный отдых и радовались правой и древней поморской православной вере, строя скиты и молельни, привечая странников.

Приходили в леса на Оку и рослые рыжие ляхи, ушедшие от панов-притеснителей, заводили посёлок, впоследствии названный Ляхами, и женились на русских женщинах... Заходили люди беглые с Урала, скрываясь от солдатчины и притеснений или сурового суда помещиков и властей, как и все пришельцы вообще.

Вот последние-то узнали, что на Оке, на её прибрежных и окрестных горах, залегла железная руда и разный камень, употребляемый в выделке чугуна; богатый край напомнил им родину (Урал). И пошли эти люди искать людей, богатых не разбоем-грабежом, а честным порядком.

В городе Муроме торговали в ту пору железняки из Тулы, с которыми уральцы пошли-поехали к мастерам, что пушки лили, да так и пропали. А железняки, три брата: Иван Родионович, Сила и Андрей – пробрались на Унжу-реку и zaloжили там завод железный...»¹³

Так, по Лопатину, создавалась лесная вольница, так появились в здешних местах Баташевы. Думаю, мои читатели заметили сделанные автором ошибки: явно преувеличена роль лесных людей; назван третий Баташев – Сила, такого

¹³ Мой архив. Копия «Выксунской старины». с.2.

брата у Андрея и Ивана не было вообще¹⁴. Но как написано: живо, ярко, интересно! Рассказ о событиях исторических напоминает народное произведение, читается легко. И таковы многие страницы «Старины».

Моё особое внимание в очерке привлёк отрывок о деревеньке Карповке. Находилась она недалеко от пристани попаразбойника Сороки, того самого, что, по преданию, «ватагу на Оке держал», с сыновьями своими грабил проходившие по реке суда и угодил за то в Сибирь. В этих-то пустых местах построен был со временем Досчатожелезницкий завод. У Лопатина о деревеньке сказано: «Карповка не представляет собою что-нибудь значительное. В ней жили староверы речные, откуда и получилось название села Решное (Речное). А в позднейшее время жил тут человек Костянкин (Константин), история которого описана в фельетоне газеты «Муромский край», под заголовком «Из быта горных людей»¹⁵. Отрывок этот об обычной приокской деревеньке и одном из её жителей, герое «фельетона» Алексея Лопатина, меня заинтересовал. Он дал начало новому краеведческому поиску.

То, что автор определил как «фельетон», по нашим меркам является рассказом. «Дед Костянкин» — и это особенно ценно — первый рассказ о Выксе. В муромской газете он печатался в 1911 году. Я нашла его в Москве в Ленинке в более поздней публикации — 1918 года. Представим себе те далёкие-далёкие годы. Самое начало нашей советской республики. Революция, слом жизни, огненное кольцо фронтов, тысячи проблем... Сложное, противоречивое, труднейшее время¹⁶. Но, как ни удивительно, уже развёртывается большая работа по сохранению культурного наследия страны, по приобщению к нему трудового народа, по культурному строительству. Возникают культурно-просветительные организации пролетариата (1918—1932 гг.). Появляются десятки журналов для рабо-

¹⁴ А.А. Лопатин ошибочно упорно называет старшим из братьев Баташевых Ивана.

¹⁵ Мой архив. Копия. с. 21. Карповка была приходом к селу Решному.

¹⁶ Дикушкина К.И. «Литературные журналы 1917—1929 гг.» — «История русской советской литературы». Т. II. М., «Наука». 1968. с. 698—708.

чих, среди них — «Горн». В сентябре 1918 года открылась литературная студия московского пролетариата. У неё были серьёзные задачи: «воспитание рабочего—писателя и рабочего-читателя». На занятиях специалисты читали слушателям курсы по истории русской литературы, русского театра и истории культуры. Особая программа знакомила их с техникой литературного творчества. Согласитесь, это и есть настоящая литературная учёба.

Лучшие произведения слушателей литературной студии были опубликованы в первом номере журнала «Горн»¹⁷, который вышел в Москве в ноябре 1918 года, к первой годовщине Октябрьской революции. Рассказ «Дед Костянкин», подписанный по моде того времени псевдонимом («Александр Луч»), помещён в нём. А рядом — стихи известных рабочих поэтов 20-х годов Михаила Герасимова и Семёна Родова, статьи о пролетарской литературе и культуре, письмо В.И. Ленина Первой Всероссийской конференции Пролеткультов. И это, конечно, факт значительный! И ещё: «Дед Костянкин» — единственное в первом номере «Горна» произведение прозы. Редакция журнала, по-видимому, по достоинству оценила эту правдивую историю жизни заводского рабочего, мастерового старого времени, уважение автора к его труду и личности, а также необычную манеру изложения, живой, самобытный народный язык рассказа.

Несомненно, «Дед Костянкин» — произведение незаурядное. На вдумчивого читателя оно и сегодня производит сильное впечатление. Хорошо помню сосредоточенную тишину читального зала главной библиотеки страны, погружённых в чтение людей за письменными столами. И в круге света на моём рабочем месте — первую страницу рассказа Лопатина и первые слова: «Счастливые не видят своего счастья и ищут, и гонятся за ним. Обречённые завидуют, рвутся к воле и свету, подобно заключённым в клетку пташкам и зверькам, и, не находя выхода... уходят в самих себя. И так будет всегда, — сказал печник Костя». Таким

¹⁷ Ж. «Горн». Книга I. с. 18–23.

удивившим меня философским размышлением открывается произведение. А дальше — о горькой жизни вечного труженика, страдальца и мудреца деда Константина.

Очерки Алексея Лопатина доводилось мне читать и раньше, но ни один из них не рассказал так много и интересно, так свежо о старой Выксе, не вызвал столько раздумий о жизни человеческой, о добре и зле. «Дед Костянкин» и удивил меня, и обрадовал. Думаю, прочитав его, вы поймёте сами, что это произведение по-своему замечательное.

А я считаю просто необходимым дать рассказ Алексея Лопатина с небольшим анализом в приложении к моей статье, немного сократив его, но непременно сохранив и его суть, и авторскую манеру (задача, признаюсь, не из лёгких).

Рассказ «Дед Костянкин» впервые полностью был напечатан в 20-е годы. Это новое время в жизни страны и новая страница в судьбе Алексея Алексеевича Лопатина.

Напомню строку письма, посланного им из Москвы выксунскому краеведу А.Ф. Зыкину (1925 г.): «В эту школу (театрального искусства) на Неглинке я иногда захожу и ищу кое-что». Так мог сказать только человек, который живёт в Москве постоянно. И вот после Сноведи, Выксы, Мурома, может быть, Досчатого — Москва. А.А. Лопатин служит в Главной конторе Выксунских горных заводов. И, судя по всему, посещает занятия в литературной студии. Учится серьёзно и небезуспешно: его «Дед Костянкин» сразу был замечен и опубликован. Студия московского пролетариата существовала недолго, всего 5 лет (1918—1923 гг.), но слушателям одарённым, делавшим первые шаги в литературе, она дала немало. Полагаю, и Алексею Алексеевичу тоже, хотя он был уже немолод. Точнее сказать не могу, но одно несомненно: за эти годы он мог получить знания по теории и истории литературы, консультации и помощь специалистов. По-прежнему главным было для Алексея Лопатина краеведение. И живя в Москве, он оставался выксунцем: поддерживал связь с родиной, с земляками, занимался выксунским краеведением.

Письмо А.А. Лопатина из Москвы А.Ф. Зыкину — всё о Выксе¹⁸. Здесь мы находим объяснение названий «Выкса» и «рожон», несколько старых наших легенд (о реке Выле и царице Анне из рода Васильчиковых; о татарине Ризодее, проводнике Ивана Грозного через Муромские леса в его походе на Казань). Здесь любопытнейший рассказ о местных староверах и их скитах, о собственных староверческих корнях, краткие сведения о Домне Лопатиной и боярыне Морозовой. Есть в письме и другие подробности жизни нашего края в далёком прошлом. Человек открытый и щедрый — таким я его себе представляю, — Алексей Алексеевич делится с товарищем тем, что знает сам. А знает он, как видим, много. И что ещё удивляет, этот неутомимый собиратель-краевед обращается к Зыкину с просьбой: «поделиться, елико возможно, вашими материалами со мной, если в них найдётся что-нибудь в дополнение этой моей старины»¹⁹. Да и сын его, пишет А. Лопатин, архитектор и художник, «будет рад получить из Выксы какие-либо рисунки, планы и прочее художественно-историческое из жизни выксунских горных людей».

Очень интересное место в письме — рассказ краеведа о своих планах. Он сообщает, что продолжает работу над выксунской темой: «Остаётся продолжение про семейный уклад жизни Ивана Родионовича и его брата Андрея... Поищу пачку писем, подогретый вашим добрым примером...»²⁰

К письму Лопатина Зыкин приложил в своём архиве лист бумаги, на котором записал темы корреспонденций московского друга. И среди них — «Рассказ артиста Жукова», пьеса «Матрёша», повесть «Сусанна». Несомненно, это из творческих планов Алексея Лопатина: написать на исторической основе баташевского времени литературные произведения, такие разные и сложные. Намерения, как

¹⁸ См: М.М. Рогов «Были и легенды выксунской старины». «Выксунский рабочий», 3/VI—1989 г.

¹⁹ А.Ф. Зыкин изучал шепелевский период жизни Выксы.

²⁰ М.М. Рогов предположил, что у А.А. Лопатина в архиве было ещё немало ценных исторических материалов о господах Баташевых и их крепостных людях. С этим нельзя не согласиться.

мы видим, очень серьёзные. Чтобы их осуществить, нужно было не только хорошее знание выксунской старины, но и вера в свои силы и творческая смелость. Читая об этом, я подумала: поразивший меня когда-то рассказ «Дед Костянкин» не случайность и, должно быть, не единственное произведение этого литературно одарённого человека.

Тогда, в 20-е годы, планы у Алексея Алексеевича были большие. Осуществил ли он их? Что мы об этом знаем? Немного. Но есть факты, есть предположения.

И главное: совершенно очевидно, что он был увлечён выксунским краеведением, много писал. Не об этом ли его слова: «Остаётся продолжение про семейный уклад жизни» Баташевых. «Продолжение...»

30-е годы — последние в жизни нашего замечательного краеведа. Он уже очень немолод, но по-прежнему фанатически предан любимому делу, отдаёт ему все силы свои. В середине 30-х годов, как я выяснила, Алексей Алексеевич Лопатин приезжает на родину, встречается с местными любителями старины.

Каким было выксунское краеведение того времени? Как и в 20-е годы, это пора большого интереса выксунцев к родному краю, к его истории и культуре. Атмосферу Выксы хорошо передают письма Николая Петровича Ключарёва²¹. «Тогда в Выксе была группа старожилов (М. Королёв, Ф. Лобанов), интересовавшихся легендами о Баташевых, Большом доме и пр.» При редакции «Выксунского рабочего» некоторое время «существовал кружок людей, искавших «подземные ходы» и прочее, о чём живописалось во Владимирских Мономах». Никаких «ходов», конечно, не нашли, но по винтовой лестнице со второго этажа Большого дома спускались в его подвалы». Такие же увлеченные выксунской стариной люди были среди сотрудников газеты (М. А. Зыкин, С.С. Королёв).

«Выксунский рабочий» нередко помещал на своих страницах очерки, статьи, воспоминания о прошлом наше-

²¹ Мой архив. Письма Н.П. Ключарёва из Саратова. 11/XI—1983 г.; 20/I—1984 г.

го края. Общее настроение захватило и Н.П. Ключарёва, когда он в апреле 1934 года из «Шиморского ударника» перешёл в районную газету. Он всерьёз заинтересовался краеведением. Этому, полагаю, немало способствовала его встреча с А.А. Лопатыным.

Как это произошло? Скорее всего, в редакции «Выксунского рабочего». «В 1935–38 годах при редакции газеты работал литературный кружок. Его члены собирались, читали свои произведения, обсуждали их. Иногда занятия кружка проводили писатели из Москвы и Нижнего Новгорода. Старостой кружка был я» (из письма Н.П. Ключарёва).

Здесь, в газете, и состоялось, предположительно в 1935 или 1936 году, довольно близкое знакомство Николая Петровича, тогда начинающего краеведа, с А. Лопатыным, известным знатоком выксунского края. Впечатление было сильным: «Многое о моих изысканиях о Выксе дало знакомство с бывшим выксунцем А.А. Лопатыным...» Николай Петрович стал читать материалы о нашей старине, ещё сохранившиеся у старожилов, собирать сведения краеведческого характера. (Замечу: отношения в ту пору были у краеведов дружескими, никакого авторского права не было и в помине.)

И уже вскоре в газете появились его первые очерки о прошлом (псевдонимы: «Н. Клэр», «Николай Ключевский»)²². Может быть, тогда и определился его путь краевед-писателя.

И вот что знаменательно: примерно в то же время «Выксунский рабочий» печатает материалы А.А. Лопатына. В сохранившихся в областном диапозитарии номерах нашей газеты за 30-е годы я нашла два его очерка (думаю, их было больше). Это «Случай на руднике» и «Нравы шепелевского театра», напоминающие народные рассказы о минувшем. Перед заголовком первого две фамилии:

²² Н.П. Ключарёв. «Очаг мракобесия». — «Выксунский рабочий» 12/XI—1936 г.

Н. Клэр. «Дочь ломовика». — «Выксунский рабочий» 24/XI—1936; 26/XI—1936; 10/XII—1936.

Н. Клэр, А. Лопатин. Деталь как будто небольшая, но говорящая о том, что А.А. Лопатин был в Выксе, что связь с ним имел Николай Петрович²³.

Факты – вещь упрямая. И вот ещё один, очень интересный. Совсем недавно в своём архиве я обнаружила текст с заголовком «Продолжение к рассказу Петра Царёва». В левом верхнем углу страницы 20-й, с которой он начинается, уверенная рука вывела чёрными чернилами: «Оч. важно. Сохранить обязательно». И дальше – три страницы рукописи. Заканчивается она удивительно: «Конец 1-й части. 23/II-1935 г. А. Лопатин».

Много лет пролежал этот текст в моей папке с материалом о краеведе (собирался он давно и трудно). Увлеченная другими темами, я успела забыть, откуда взяты эти когда-то отложенные страницы. И вот чудо – Лопатин, находка совершенно неожиданная и счастливая! И так вовремя, так кстати!

Годы – более 70 – оставили на рукописи свой след. Пожелтела бумага, поблёкли чернила, стёрлись кое-где буквы и части слов, истончились сгибы и концы страниц. И всё-таки сам текст, к моей радости, сохранился полностью, понятный, читаемый. Почерк аккуратный, ровный, почти каллиграфический. Впечатление вполне законченной, подготовленной к печати работы, вернее, её части: нет первых 19 страниц 1-й главы, нет главы 2-й. Но как прав неизвестный нам выксунец, который предупредил: «Оч. важно. Сохранить обязательно». Он-то знал точно: страницы эти принадлежат самому А.А. Лопатину, старейшему краеведу Выксы.

Внимательно читала я сохранный временем рукопись. И невольно вспомнилось из письма Алексея Лопатина: «...остаётся продолжение про семейный уклад жизни Ивана Родионовича и его брата Андрея... Я думаю написать

²³ Н. Клэр. А. Лопатин. «Случай на руднике». – «Выксунский рабочий» 27/IX–1937.

А. Лопатин. «Нравы шепелевского театра». – «Выксунский рабочий» 27/IX–1937.

это в виде сценического этюда, героем коего поставлю Андрея, похитившего Матрёшу Егорову прямо от венца, после венчания с Касторием-псаломщиком...» Вспомнилось не случайно. Читая и перечитывая найденный текст, я поняла: это и есть тот самый «этюд», который хотел написать (и написал!) А.А. Лопатин. И это часть большого рассказа о братьях Баташевых. К сожалению, содержание всего произведения я не знаю.

А что же этюд? Как было задумано автором, его герои — гусевский заводчик Андрей Баташев и крепостная девушка Матрёна Егорова. Рукопись начинается с их диалога:

Андрей: «А как сделаешь, как насытишь пустыми щами да досыта? Отец, поди, как мается в лесу-то? Ему бы здесь, у Марфы, подзаправиться в кухне, как вот ты отведала сегодня!.. Бери его с собой сюда!

Матреша: Это верно, барин. Батюшке трудно достаются и пустые щи. Зато хлебушка вволю!.. Кусочки даёт ещё Буланке...

— Грамоту старOVERскую знаешь? — спросил Андрей.

— Мало училась читать у Кастория. Он хотел было научить и писать, да вот теперь некогда будет у вас. Значит, не судьба...

— Твоя судьба здесь хозяйничать: Марфа устарела. Её надо бы сменить... Позови сюда Кастория! Пусть подправит Андрюшку к экзамену: к Покрову его учить повезу в Москву, в офицерство. А пока ты его налаживай, чтоб любил тебя, как родную свою мать.

— А как же, барин, наладить приказываете? Я неученая, знаю самое себя только и узнание беру из своего нутра сердечного, а не по книге. Ведь всякому своё дано, и оно к жизни подходит. У мысли глубина что в море, и человек другого человека учит, а своё узнание — вещун переучивает...

— Ну, уж ты, я вижу, поумнее меня... Некогда мне тебя слушать!.. Пора в заводе дело делать.

Андрей ушёл. Матреша задумалась: «Поглядишь на беду, поразмыкаешь кручину, глядишь — полгоря нет. Рассуди-

тельностью добудешь покой и своей души...» — И пошла к сыну Андрея, к Андрюшке-баричу, оборвав мысли об одинопчестве».

В сохранившейся части произведения Лопатина — я называю её условно «этюдом» — нет начала. Нет и задуманной автором сцены похищения Матрёши из-под венца, т.е. главного драматического события, из которого развились все другие. В этом эпизоде: барин Андрей Баташев берёт к себе в дом крепостную девушку, невенчанную жену; разговор с ней, важный для понимания происходящего. Диалог даёт нам некоторое представление о героях. Андрей Баташев: немногословный, деловой, властный — словом, хозяин. Он сам, без церемоний и лишних «сантиментов», решает судьбу девушки. И не только её, но и её близких: отца-возчика и любящего её Кастория-псаломщика. Матрёша: покорна барской воле, но на пороге новой жизни вся в грустных раздумьях, почти философских, о своей горькой судьбе. Её речь удивительно богатая, яркая, эмоциональная. И вся она будто вышла из народных преданий, есть в Матрёше что-то очень привлекательное. Такой представляет её автор. И именно ей, Матрёше, поручает Алексей Лопатин спеть засыпающему Андрюшке-баричу «новую, незнакомую колыбельную песенку». И звучит прекрасная песня-легенда:

*Был и жил Аукало, бор зелёный царь.
Да Рудица под бором крылась, как встарь.
Молодица в новом тереме мила-друга стерегла,
За стенами искромётными тайну сердца берегла,
За валами камня чёрного, неприступного да гордого...*

Слышит эту песню Андрей, войдя в девичью. Слушают её и собравшиеся под окнами, у сада, дворовые, дивятся причудливой судьбе девушки и её таланту. «И с теплотой на душе расходятся все на сон грядущий».

Думаю, читатели ощутили в рассказе Алексея Лопатина лирическую струю, особую теплоту. Она и в тонких пере-

живаниях героини, и в народной песне про царя Аукало и красавицу Рудицу, и в живописной картине природы.

И только однажды в рассказе о судьбах людских появляется упоминание о детище А.Р. Баташева — его заводе:

«С юго-запада надвигалась красивая тучка, розовея и заслоня западную зорьку. Победным эхом разлетался в глубь и ширь лесную железный задор — вече трудовое баташевского заводского коллектива...»

Вот мы и прочитали рукописный текст за подписью А. Лопатина. Вы, конечно, поняли, что это художественное произведение с его характерными чертами, включая вымысел. Но в основе «этюда» лежит подлинный факт — женитьба Андрея Баташева на крепостной девушке. Почему я называю это произведение «этюдом»? — спросите вы с недоумением. И будете правы: в наше время слово это в отношении к рассказу не применяется, да и раньше употреблялось крайне редко. Так называли иногда небольшое литературное произведение с двумя-тремя героями, основными событиями, без подробностей и деталей. Сочинение А. Лопатина отвечает этим правилам.

Текст с названием «Продолжение к рассказу Петра Царёва», кроме начала, сохранился, можно сказать, счастливо. Есть в нём и краткий, чёткий конец. Он в свойственной нашему краеведу со времён «Выксунской старины» манере. Это ссылка на подлинные документы о браке А.Р. Баташева и крепостной Матрёны Егоровой, об их жизни, о сложном положении Матрёны и трёх её сыновей после смерти гусевского заводовладельца, о долгой судебной тяжбе с родственниками Андрея Родионовича из-за наследства²⁴.

«Этюд» Лопатина — произведение небольшое, но ёмкое. Особый интерес в нём представляет песня-легенда, которую поёт героиня. Это поэтический рассказ о богатой былинными лесами и железной рудой прекрасной нашей

²⁴ История Матрёны Егоровой прозаичнее, чем в народных преданиях и «Этюде» А. Лопатина.

См. серьёзную интересную работу рязанского историка-краеведа И.Г. Кусовой «А.Р. Баташев и его потомки на Рязанской земле». — «Приокская глубинка». 2008. №1.

земле, взятой в полон лесосеками, рудокопами, молотобойцами. Они разрушили вековой покой и мир здешних мест. Герои легенды, как и положено, сказочные: красавец «Аукало — бор зелёный царь», «Рудица-молодица», его любимая подруга. Но в основе текста — событие подлинное, историческое: начало в этих тогда глухих местах новой жизни, которую принесли сюда волевые, талантливые, трудолюбивые заводчики брата Баташевы.

Легенда прозрачная, читается легко. Но есть в ней для меня неразгаданная тайна. И вот в чём: трудно определить, народное ли это произведение в первоизданном, чистом виде или доработанное краеведом. В любом случае это создание художника слова: народа или талантливого краеведа.

ЛЕГЕНДА О ВЫКСУНСКОЙ ЗЕМЛЕ

*Был и жил Аукало, бор зелёный царь.
Да Рудица под бором крылась, как встарь.
Молодица в новом тереме мила-друга стерегла,
За стенами искромётными тайну сердца берегла,
За валами камня черного, неприступного да гордого.
У Рудицы-чаровницы было сердце-то алмазное,
Тело крепкое, железное, богатырское, прекрасное,
Серебряны белы рученьки — кого хочет в полон возьмёт.
Разумком-умком смекалистым крепко, бронью, окуёт.
Да одна беда жестокая: отродясь Руда-безногая.
А красавец царь Аукало смертным громом был непуганый...
Сыскони они поволчили: во соседстве дружбой жить,
Не тужили от разбойничков полюбовниками слыть.
Соберётся ль туча в синем небе прогуляться,
Земля-матушка захочет ли своим видом приубратится,
Приумываться да понежиться, ясну солнышку понравиться,
Царь Аукало с друзьями в теремок бежит,
Ко Рудице, к своей радости-царице.
Сердца трепетны обоих, точно пташки в клетке, мечутся.
Из очей у Рудицы маленькие искры светятся.
Искромётными огнями стены чёрны загораются...*

*Вековечно жить бы, царствовать да любовью наслаждаться.
Во грозу бы Аукало со Рудицею встречается,
Пиром, музыкой стихийною и песнями утешатся.
Да, ахти, беда, на свете уже быть так суждено!
Вечной младости и ласки смертным в жизни не дано.
И вот судьбинушка внезапно к ним подкралася разбойницей.
Приняла к себе в подмогу лесосека раболепного,
Червяка-рудокочица, коваля-колдуна
Да лихого вина смертопоица.
И не громом-грозою, зарницей подкосились сосны зелёные,
Повспорхнули с гнёзд пташки вольные,
Теремок царя Аукало с лица земли снесли,
Обнажили грудь Рудицы, стали тело рвать железное.
Богачу же, скряги, хвастаться; за его гроши за медные.
Выдать ручки серебряные и сердечко заповедное...*

Надеюсь, мои дорогие выксунцы, что эта легенда о нашей земле вам интересна.

Выяснить, был ли напечатан «Этюд», не удалось, скорее всего — нет. А у легенды-песни своя, отдельная судьба. Как на самое ценное в произведении на неё сразу обратили внимания краеведы. В 1937 году в нашей районной газете в рубрике «Из прошлого Выксы» она будет напечатана Н. Клэрмом (Н.П. Ключарёвым) с заголовком «Аукало»²⁵. Год спустя в журнале «Горьковская область» легенда открывает статью «Выкса» сотрудников газеты «Выксунский рабочий» Ник. Ключарёва и А. Лебедева, без названия и ссылки на источник. Авторы статьи назовут её «преданием о скорби народной»²⁶ и отнесут к XVII веку (?). Нижегородский исследователь фольклора В.Н. Морохин включит в 1971 году этот текст в сборник «Нижегородские предания и легенды»²⁷ с названием «Легенда о выксунской земле» (название это останется). Учёный, как и положено, в примечании укажет, что взял легенду из статьи в журнале

²⁵ «Выксунский рабочий» 10/IX—1937.

²⁶ Ж. «Горьковская область». 1938 г. №2. с. 84.

²⁷ Сб. «Нижегородские предания и легенды». 1971. с. 92—93.

«Горьковская область» за 1938 год. И, наконец, мы увидим это прекрасное произведение в романе Н.П. Ключарёва «Работные люди»²⁸ среди других выксунских преданий, которые широко использовал автор.

Все перечисленные мною тексты легенды отличаются друг от друга незначительно, все по существу повторяют песню из рукописи Лопатина 1935 года, все более позднего времени. И можно сказать уверенно: первый текст, первоисточник «Легенды о выксунской земле» — в «Этюде». И принадлежит его открытие знатоку и самодеятельному исследователю нашей старины Алексею Алексеевичу Лопатину.

Я заканчиваю рассказ об одном из первых и интереснейших краеведов Выксы. Понимаю: тема мной не исчерпана, это далеко не всё, что следует знать об Алексее Алексеевиче Лопатине.

Как-то его называли краеведом-собирателем. Характеристика явно односторонняя. Да, он замечательный собиратель — и не только. Алексей Лопатин не просто искал материал о старой Выксе, он умел его отбирать, анализировать, выстраивать исторически, опираясь на документы. И что ещё важно: человек одарённый, Алексей Алексеевич рассказывал о нашей старине увлечённо, с искренним уважением к ней, увлекательно и даже художественно (в очерках и рассказах). Несомненно, он знаток и бытописатель выксунского края, выксунской старины.

Признаюсь, во время работы над этой темой меня не оставляла мысль, что сегодня мы имеем лишь крохи его вдохновенного, самоотверженного труда. А ведь где-то, думала я, может находиться бесценный архив, часть архива с историческими документами или с сочинениями литературно-краеведческого характера А.А. Лопатина. Может быть, он в чьих-то чужих, холодных руках, неизвестный выксунцам, недоступный для сегодняшних краеведов. Горько!..

Ясно одно: краеведческий поиск надо продолжать.

²⁸ Н. Ключарёв. «Работные люди». — В.-В. книжное издательство. 1984. Ч. 1, гл. 17. с. 122.

АЛЕКСЕЙ ЛОПАТИН («АЛЕКСАНДР ЛУЧ»)
РАССКАЗ «ДЕД КОСТЯНКИН»

Костянкин – рабочий Выксунских заводов. В молодости работал он в молотовой, в дыму и чаду. Были у него тогда сильные руки и могучая грудь. По 300 пудов в день делал. Под старость тюковал кровельное железо. Умел класть новые и чинить старые печи. Но пришло время, и стал Костянкин не нужен. «Молил, кланялся в смазные барские сапоги, англичанину Мезеке: «Возьми хоть сторожем, по-собачьи служить буду... смилуйся, кормилец. Всю жизнь в завод клал, клал силу свою». А англичанин и ухом не повёл. Прогнал, мошенник.

И оказался дед один-одинёшенек в своей хибаре с крошечными оконцами и маленьким огородом, один со своей горькой обидой. Был он человеком замечательного трудолюбия и неуёмной энергии. Всё делал охотно, с азартом и усердием, любая работа горела в его сильных мозолистых руках. В часы же досуга и в праздничные дни чувствовал себя неуютно, нападала на деда Костянкина тоска. Коротать «свою праздность» он уходил в огород, где бесконечно чинил совершенно исправную городьбу, или в лес, где чистил частокол для огорода, собирал грибы и ягоды.

Но ни частокола, ни грибов, ни ягод никто у старика не покупал. Его боялись, потому что считали колдуном. «Как купить, коль всё заколдовано Костянкиным, который бесперечь с чёртом говорит и чёрт помогает ему работать за троих», – так говорили суеверные тёмные люди и называли деда – Костя-колдун. Взрослые вырывали и ломали деревья в его садике; ребяташки подглядывали за ним, дразнили.

Потому был Константин угрюм, людей избегал. Только с отчаяния заходил в праздники в кабак, пил залпом кружку с опивками пива и поспешно уходил. Во время богослужения в полную народом церковь не входил, стоял поблизости. В домишке ли своём, в огороде ли часто рас-

суждал вслух — с самим собою — о себе, о людях, о жизни, о боге: «Бог — начало, а человек — конец»; «Тайна жизни любовью зажигается, в любви и сгореть должна»; «Пусть колдун... Волхвы Христа видели, лобызали его, дарма что колдуны».

Так и жил дед Костянкин, непонятый, отверженный. Один церковный староста любил старика за добросовестность и поручал ему трудную работу — чинить церковные рамы, чистить церковный купол. «Без всяких подмостков, по верёвке, конец которой завязан на поясе, дед отважно, по-кошачьи ловко карабкается на любую высоту и вставляет разбитые стёкла, тщательно промазывая их замазкой, или скоблит и трёт фартуком церковные кресты».

С Петрова-дня захворал старик. Не ест, не пьёт, лежит под тулупом и молчит. Только приход уставщицы Аграфены, её доброе внимание и уход облегчили его телесные и душевные страдания: «Душу мою по кусочку к себе притягиваешь... сердце-то не болит больше... настоящий ты дохтур, Грушка; даром, что бабья нация», — говорит ей дед. И признаётся в своей тайной боли: «Дрожит дух, неумогу удержаться. За что замяли старика. Прокляли... Колдун, бают, проклятый... без молитв, значит, в яму, как дохлую собаку...» — «Глупым закон не писан», — отвечает Графена. И советует: «Молись и молчи. Отстанут».

Груша, добрая душа, долго хозяйничала у деда, ходила за больным, вскопала и посадила в его огороде грядки. «Христос заплатит тебе, Груша, за всё, — растроганно сказал Костянкин. — Не нарадуюсь... Отродясь не видел и не слыхивал, чтобы такие люди были на белом свете. Ангел ты. Шиморянка — одним словом». Отогрела она душу старика, поднялся он на ноги.

И вот подошёл праздник муромских святых Петра и Февронии. Обычно дед уходил в этот день в Муром на ярмарку сбить медовый пить, румяными калачами лакомиться. Но не было у него сейчас ни копейки. И навёдался он к церковному старосте насчёт работы. Староста отговаривал старика от путешествия на купол храма, видя,

что тот слабоват, так давал денег на ярмарку. Не поддался дед на уговоры.

«Почуял он на этот раз в себе последнюю силу и долго карабкался на купол. Обнял крепко он крест церковный. Староста долго-долго кричал ему вверх: «Дедка Костянкин, слышь, ты аль нет? Эй, что прохлаждаешься? Давай пойдём домой!» А Костянкин молчит, обнял крест руками и, закинув голову, глядит вверх: «Улетел бы в сине небо, как орёл, кабы крылья...»

Сорвавшись с высоты, разбился дед Костянкин. Последние его слов были: «Кончаюсь, пташка Груша... Возьми и похорони меня своими руками...»

Вот и прошла перед нами, дорогие читатели, жизнь Костянкина — с неизбывным трудом, вечной нуждой заботами, с редкими радостями и глубокой печалью, — такая, как у многих на Выксе, но и не такая, особенная, собственная. В незамысловатой истории этой — горькая правда жизни рабочего человека старой Выксы, без прикрас. Познакомились мы с вами с обыкновенным, на первый взгляд, человеком, но, согласитесь, с человеком на самом деле удивительным. У него золотые руки и чистое сердце, жаждущее участия, добра, света. В нём сильны русские народные начала.

Запоминается в рассказе и его героиня — шиморянка Груша. О ней сказано так: «Подвижница, строгой красоты, с шелковыми русыми косами за пояс, покрытыми черным с каймой платком, в праздничном синем сарафане, с рукавами из белого кипня и четками в красивых руках. Голос серебристый, стройная, гармоничная, душевная речь, простая и ясная. Волшебница, а не девка была Графена». За муж она не пошла: «Жатвы много, а сеятелей мало. Надо сеять, надо послужить людям во имя вечной любви, ради божьего дела». Глубоко верующая, Графена всегда там, где нужна человеку помощь. Деду Костянкину она говорит: «Коль что невмоготу станет, — накажи, приду опять». Она ухаживает за старыми, сирыми, больными, помогает им, лечит и народными средствами, и ласковым сердечным словом, и молитвой.

По мысли автора рассказа, Аграфена – воплощение красоты, доброты и того, что называют прекрасным русским словом «милосердие». С трудом оно сейчас к нам возвращается. А ведь во все времена были в нашем народе такие самоотверженные, сильные добротой и верой люди. Ими народ наш славился.

Рассказ Алексея Лопатина интересен нам, выксунцам, ещё во многих отношениях. Здесь есть отдельные подробности нашей истории, например, упоминание о лихом попе-разбойнике Сороке. Здесь нарисована довольно широкая картина жизни старой рабочей Выксы: труд рабочего и его домашняя жизнь, народное лечение и народные обряды, особенности местного быта, например, такая, поразившая меня: «Там, вдали за прудом, гулко вздыхал пламенной грудью завод... А будильщики – старики, согнувшиеся от старости в дугу, в одиночку ходили по тихим улицам и выкрикивали под окном домохозяев сохранившийся от времён Баташевых призыв: «Русинов, вставай работать!»

Кратки, но ярки в рассказе сцены религиозных праздников и народного гуляния:

«В церковь на Выксунских заводах люди ходят три раза в год: на Пасху, на Рождество Христово и на Успенев день... На Пасху, как только затеплится первая площадка на колокольне в Досчатом в светлую заутреню, идут в полночь люди к кострам, горящим у паперти храма. Здесь стоят две чугунные пушки, отлитые Иваном Родионовичем Баташевым для стрельбы на Пасхе. Освободившиеся от беспросветного труда рабочие поют «Христос Воскресе» да читают священники евангельские слова: «В начале бе слово... И свет его познаша...» Церковь блещет огнями ярого воска, наполнена густою толпой рабочих, радостно лобызающих друг друга. От пушечного выстрела градом сыплются с церковного купола из рам разбитые стёкла... А после утрени бережно, как детей, несут бабы освящённые куличи да пасхи».

«На праздник муромских Петра и Февронии отправляется народ из Выксы в Муром пешком по ночному холод-

ку да по росистой травке. Идёт босой, как любила ходить святая Феврония-княжна, а днём от зноя отдыхает на мягком моху в лесной тишине... После богомолья идут все на ярмарку. Товары у купцов берут с боя. Пыль над народом носится облаком. Песни, гармоника, балалайки, дудки и трещотки детей; звон стоит от денег!.. Ух ты, Русь родная, могучая, сила — копейка народная!..»

Вот вы, дорогие читатели, и познакомились с рассказом «Дед Костянкин». Надеюсь, вы согласны со мной, что это произведение заслуживает внимания выксунцев. Наш разговор о краеведе Алексее Алексеевиче Лопатине будет продолжен.

«ЗАПИСКИ А.А. ЛОПАТИНА»

Заканчивая статью о краеведе Алексее Алексеевиче Лопатине, я ещё не знала, что недавно обнаружена часть его архива, как и следовало ожидать — совсем рядом с Выксой. Сегодня я хочу представить кратко эту долгожданную находку вам, читатели «Приокской глубинки».

Архив — сшитая нитками длинная тетрадь из желтоватой от старости бумаги. В ней 43 листа, исписанных с одной стороны мелким аккуратным почерком, который хорошо читается. Тексты написаны довольно грамотно, красиво, даже с любовью; украшены небольшими рисунками, цветными иллюстрациями. Но время, увы, оставило на материале архива заметный след: испорчены отдельные места, утрачены некоторые рисунки; очень жаль, что не сохранилась обложка, нет самой первой и нескольких последних страниц, а они-то всегда особенно важны. В нынешнем состоянии найденная тетрадь нуждается в очень бережном отношении к себе. И всё-таки вопреки своему почтенному возрасту архив Алексея Лопатина жив — и это отрадно!

Значит, он находился не в холодных, чужих руках, чего я боялась, но в тёплых, своих, выксунских; хранился у людей, которые сумели сберечь его, понимая всю значимость этого краеведческого документа. Большое спасибо вам, чуткие душой «хранители», спасибо от всех выксунцев за этот ценный дар!

Теперь, когда я держала в своих руках старую тетрадь – архив известного краеведа, листала её страницы, бегло просматривая материал, могу сказать читателям: это действительно очень интересно! Правда, здесь нет старых документов, личных воспоминаний автора, писем и др., что обычно входит в архив. В тетради только работы краеведа А.А. Лопатина («Александра Луча»), а потому это, скорее, «Записки». И относятся они к далёкому-далёкому времени – к 1926 году, т.е. к двадцатым годам, когда, как я и предполагала, Алексей Алексеевич Лопатин работал особенно много и плодотворно.

Общее название всех пяти частей «Записок» (архива) – «Из быта выксунского края». Здесь есть исторический материал, во многом запомнившийся нам по «Выксунской старине», но значительно больше литературно-краеведческого из времён Баташевых и Шепелевых, с опорой на подлинные исторические факты. Об этом в конце частей напоминает автор: «Даты годов заимствованы из старых документов». Такая у Алексея Лопатина своеобразная манера: соединять краеведческие знания и литературные свои опыты, тяготение к писательству. Не случайно со 2-й части «Записок» им уточнён заголовок: «Рассказы из быта выксунского края». Рассказы. И ещё интересная деталь: перед IV частью «Записок» – официальный штамп Государственного издательства РСФСР; рассказы А.А. Лопатина отнесены к отделу массовой художественной литературы. Много раз в тексте старой тетради повторены (как эпитафия или заголовок) слова: «Выкса, родина моя!» В них – идея, основное, что хотел сказать наш краевед. Я понимаю их так: «Выкса – родина моей жизни, души моей, моего труда, ей отдано всё». Похоже на признание в любви...

Я поделилась с вами, дорогие читатели, первыми впечатлениями от просмотренного и частично прочитанного в «Записках» Лопатина. Думаю, более обстоятельное знакомство с ними порадует нас, выскунцев, многим интересным. Пока же выбираю для вашего чтения отрывок из I части «Записок» с названием «Рассказ Андрея Терентьевича Безрукова (Воспоминания из детства А.А. Лопатина)».

Вы, конечно, поймёте, почему именно эти страницы я взяла.

ИЗ «ЗАПИСОК» АЛЕКСЕЯ ЛОПАТИНА

*В литературе место всякому голосу —
если это искренний голос.*

М. Горький.

Редко приезжал Иван Родионович на Унженский завод, отстоящий от Выксы в 30 верстах. На заводе, управляемом до раздела Андреем, проживал приказчик — заведующий Максим Перфильевич Горностаев. Но часто посещал Унжу Андрей Родионович, где похоронил свою жену.

В песнях деревенских хороводов, которых не было при его управительстве Унжей, он как будто бы забывался от сиротства, сидя в ограде у сельского храма, утопающего в зелёной листве лип и берёз; и тут ещё в помощь сельской молодёжи заливается песней во всю весеннюю ночь соловей; так что Андрей нередко засыпал у могилки своей покойницы. При Андрее на Унже пели только странники, калики перехожие. Он любил слушать у них стих про Егория Храброго...

Но вот Андрей слышит в Унже новые, неслыханные им в глуши лесов Муромских песни. Молодой баритон, как артист в московском театре на сцене, запевает в деревенском хороводе:

*Ах, подруженьки, как скучно мне!..
Скучно жить мне взаперти.
Из окошка любоваться лишь
На широкие поля...
Нам и песни в невеселье,
От тоски мы их поём...*

К молодому запевале присоединяется такое же очаровательное сильное контральто; поют ещё куплет вдвоём; и затем гремит уже хор, хорошо настроенный, как орган, из десятков крестьянских голосов. Андрей подзывает к себе церковного сторожа и взволнованно, со слезами в голосе спрашивает: «Кто в хороводе запевае так ново, так и рвёт на части душу, мочи нет...»

— А это, батюшка-барин, сын дьяконицы нашей, вдовы, бурсак Касторий поёт, а вторая, значит, подголосок, поёт с ним Матрёша, Егорова дочь. Днём-то Касторий с попом справляет требы церковные на Гусевском погосте; а как закатится солнце, то бежит, значит, к зазнобе, сюда на Унжу. А кончает хоровод, расходятся, ну и Касторий провожает полюбовницу кажинный раз до хаты, затворит за ней воротцы, а сам ляжет под ея оконцем на улице, да так и дождётся утра. Тоскует, слышь... Непристойно будто духовному званию жениться на крестьянке, а дело вестимое — чары любовные в цепях держат душу молодецкую, не дают покою. Тоскует, сердечный... Последний раз, баит, последнюю весну пою, православные, лебединую, значит, песенку для мира христианского. Матрешу дольше не переживу, сердце, вешун верный, говорит это мне.

Вот от этих разговоров его дьяконица-мать подговорила — упросила Егория благословить бурсака Кастория на честный брак с Матрёшей Егоровой, так что Егорий уже дал согласие и купил уже образок святой, а попадья соткала своими руками в подарок жениху пояс узорчатый к подряснику. Даже просфирня Фёкла от них не отстала — пошла а и вылила из воску медового две толстущие свечи и к ним приладила по бумажному лощеному искусному

ландышу. Говорят ещё, что церковный староста сложился и покупает вместе кожу на новые к свадьбе Кастория сапоги, сложился, слышь, с целовальником по рублю на брата. На Покрове, этой же осенью, решили свадебку сыграть.

– А кто она, Матрёна-то? – спросил Андрей.

– Да здешняя, батюшка-барин, крепостная Вашего брата Ивана Родионовича. Красавица, каких мало; а главное, певунья, как соловушко. Всех парней-то здесь к себе приворожила, отбою нет; а теперь вот Кастория зачаровала, женихом сделала своим. Не может без нея жить молодой бурсак, бросил и бурсу, не едет доучиваться. И беду чует, а женится на ней.

В 1786 году, в день свадьбы Кастория с Матрёшей, на Покров погода стояла редкостная, денёк улыбался по-весеннему. Золотели берёзки на солнце, и все люди ходили по-летнему в лёгком одеянии.

Касторий в этот день, лучший в его жизни, не помнил себя от счастья и, собираясь к венцу, пел всё и целовал свою мать-старуху.

Снарядили к венцу Матрёшу-певунью её четыре сверстницы-подружки девицы; а пятая, замужняя – сваха молодая – повела её в церковь, направив девушек вперёд, чтобы дорожку цветочками полевыми усыпать в последнюю путинку девичью, в знак прощанья на разлуке с долей девичьей, беспечальной и свободной.

Завидев свадебное шествие невесты, Касторий крикнул матери:

– Матушка!.. Сваха ведёт Матрёшу... цветочки ей подсыпают под ноги, гляди-ко, родная... Надо выходить. Благослови, пора пришла.

Отец Егорий послал звонаря ударить в церковный колокол, и Касторий со сватьями вышел из хаты, направляясь в церковь. По обычаю в церкви зажгли паникадило и пели любители гимн: «Гряди, гряди, невеста отливанна...» Народу было множество: невиданная в Унже свадьба семинариста и крепостной крестьянки – бедной сироты Матрёши – привлекла внимание даже окрестных жителей за 5–8 вёрст.

Кончилось венчание чтеца Кастория с Матрёшей Егоровой. Молодоженов подвели к алтарю, за молебен. Касторий восторженно подпевал певчим и с каким-то необычным оттенком в голосе трогательно пел последние слова молебна: «Тебе хвалит мученическое воинство...», под звуки чего плакала его мать, просфирня и сама попадья.

Молодых после молебна повели, под звон колоколов церковных, в венцах, из церкви домой, окруженных той же толпой любопытных и участников свадьбы.

На полпути свадебного шествия встретила барская тройка с гайдуками впереди и собаками: ехал домой с охоты Андрей Родионович Баташев. Вдовый Андрей от тоски часто стал развлекаться охотой и даже попивать.

Тройка остановилась, не свернув с дороги; остановились и молодые в венцах. Барин вышел из повозки, уставился пьяными глазами на молодую чету, спросил, кто женился, и, получив ответ, направился к молодым. Думали люди, думали и молодые, что барин поздравлять идёт, подарить молодых, как это принято в русском народе; но вышло другое: Остановился Андрей перед Касторием, ничего не сказал; потом перед Матрёшей встал, смотрел, смотрел продолжительно и горько, горько зарыдал, впившись безумными глазами в Матрёшу

— ...как две капли воды покойница моя голубушка... — рыдая сказал Андрей. — Тройка!.. посадить, везите!..

Матрешу подвели к повозке, помогли сесть, по приказу барина... Ждут, когда прикажут сесть в повозку Касторию. Вдруг рядом с Матрёшей садится Андрей Родионович и даёт приказ кучеру: «Пошёл!.. Вперёд!»

В то время, как тройка барская уносила от Кастория Матрёшу, стонавшую в объятиях Андрея Баташева и умолявшую отпустить её, Касторий бежал, обезумевший, за умчавшейся на Гусь тройкой.

В верстах пяти от Унжи кучер Андрея осадил лошадей; где-то вдали слышен был крик, на который Матрёша вдруг, неожиданно для барина, бросилась с повозки и за-

кричала: «Касторий! Касс... тоо... рий!» Кучер ударил по лошадям, желая помочь несчастной уйти назад, в Унжу; но, получив от Андрея оплеуху, тотчас же остановил тройку, а Матрёшу опять посадили в повозку.

— Побойся бога, барин, отец родной, отпусти, не губи сироту несчастную, пожалей мою матушку, вдовицу беззащитную, дай ей порадоваться на наше счастье за всю её горемычную жизнь.

— Молчи! Дурочка ты, молодая да неопытная. За дьячком пропадёшь, а у меня будешь барыней, в холе да в приволе. Мать твою возьмём к себе завтра же, живите вместе; Андрюшкой, моим сироткою-сыном, занимайтесь. Он любит тебя и про мать родную забудет, не будет тосковать, а не полюбится — отпущу тогда... Не бойся, не съем тебя; полюбится — женюсь на тебе.

— А Касторий-то как же? — спросила Матрёша. — Да он умрёт без меня. Барин, ты не знаешь, как он любит меня другой уже год! Из-за меня ученье бросил, в бурсу не пошёл, не докончил на попа-то!.. Что с ним-то будет?

— Окончит...— промычал Андрей.

Кучер опять придержал коней, но Андрей так свирепо гикнул на него, что Матрёша замерла от страха. Кони помчались, и через несколько минут Матрёшу, полуживую от горя, ввели в барский дом, в детскую комнату, где в это время играл десятилетний сын Андрея Родионовича — Андрюша. Матреше дали что-то сладкое выпить, отчего она быстро опьянела и уснула так крепко, что на другой день её разбудила её родная мать, привезенная с Унжи в тот же вечер. Пять дней подавали им с матерью в детскую барское кушанье и вино. На шестой день их выпустили гулять с Андрюшей, который за это время полюбил Матрёшу и настойчиво сказал, что её не отпустит, так как любит слушать песню про Алёнушку и братца её Иванушку.

На седьмой день из деревни Четово принесли вести: там, в колодце, всплыл утопленник, в котором признали унженского дьяка Кастория. К погибшему дьяку привезли его мать, вдову, дьяконицу. Увидев тело своего сына, дья-

коница задрожала, не издала ни звука и, упавши на милый труп, обняла его и больше не встала – скончалась скоропостижно. Покойников накрыли рогожей и стали ждать из города станowego пристава.

Год спустя, когда Андрюша привязался к Матрёше так, что не мог минуты жить без неё, Андрей Родионович, его отец, получил от брата Ивана Родионовича Баташева из Питера письмо, в котором последний писал брату так:

«Людская молва что волна, братец Андрей Родионович. Твои художества с Матрёшей дошли до Питера, и я тебя прошу – не марай себя, меня и весь наш род; помни, что два года назад произведены мы в дворянское достоинство».

Получив письмо брата, Андрей решил исправить свой поступок, ставший причиной смерти Кастория и вдовства Матрёши. Посоветовавшись с попом Егорием Климентовым, Андрей нашёл нужным повенчаться с Матрёшей, бывшей крепостной девицей, что и выполнил 23 июля 1787 года.

Повенчавшись втайне, только с ведома приходского духовенства, Андрей Баташев отправил сына Андрюшу учиться в Питер, где всегда почти жил его брат Иван Родионович, держась непрерывной связи с правительственными учреждениями, необходимыми для заводского дела...

«РАССКАЗ ОЧЕВИДЦА ЖУКОВА О СМЕРТИ ОСКОРБЛЁННОГО УЛАНОВА»

Варя Житкова в театре служила балериной. Двенадцатилетней девочкой взята была Шепелевым в «Школьный дом», который заселён был крепостными женщинами и представлял собою гарем. Красавица Варя впоследствии была любимицей Шепелева, но любила она Уланова, молодого режиссёра.

Об этом узнал Шепелев. В рождественские праздники в театре шёл балет. Из столиц приезжих гостей у Шепелева

была целая сотня, в том числе находился атташе персидского посольства со свитой. Вызывали на сцену И.Д. Шепелева для чествования. После этого вызвали режиссёра Уланова с Варей. Появившаяся парочка была встречена бурными овациями московских гостей Шепелева, кричали: «Уланов! Житкова! Bravo!» Уланов в это время склонился к Варе и поцеловал её обе руки страстным, долгим поцелуем.

Терзаемый ревностью Шепелев в этот момент подошёл к Уланову и при незакрытой сцене, на виду у всех присутствующих в театре, нанёс ему сильную пощечину. Варя, как ужаленная, отчаянно вскрикнула. Уланов освободил руки, державшие Варю, и отскочил в сторону. Казалось, что он готов был броситься на барина со сжатыми кулаками и... зарыдал от обиды и конфуза.

Опустили занавес. Уланова тотчас же Шепелев приказал взять под арест в заводскую «полицию». «Полицией» называлась высокая неуклюжая башня, стоявшая невдалеке от выксунской Главной конторы, на базаре. В эту башню сажали провинившихся рабочих за пьянство, за кражи, за ослушание и за вольнодумство. В ней же сидели старoverы по разным наветам, которых потом ссылали на Козье болото за Сноведь корчевать пни. В «полиции» не было нар с подстилкою для спанья; арестанты спали на голом полу, положив под головы полено и свой кафтан.

Уланова привели в «полицию» трое рунтов; без пальто и шапки, в одном сюртуке, со связанными верёвкой руками, вошёл он в тёмное помещение. Арестанты в это время спали.

Утром, в два часа, проходившие из домны рабочие слышали, что кто-то стучал рукою внутри «полиции», но спросить — кто? — не полагалось. На базаре железный заводской товар стерегли старики. Первым из них услышал стук в дверь старик Рачков. Он отошёл от костра узнать, в чём дело. Но когда остановился около двери, стука уже не было. Стояла мёртвая тишина.

У двери сидела собака Уланова и тоскливо подвывала, просясь внутрь. Когда же дозорный пошёл обратно к ко-

стру, она бросилась за ним, забежала вперёд, преграждая ему путь, и клала лапы на грудь старику. Тот отогнал её от себя. Через час пришли рунты, чтобы освободить Уланова по приказу Шепелева, которому персидский атташе сделал замечание о дикости его поступка. Первой бросилась к Уланову его верная собака и стала лизать его руки и посиневшее лицо.

Молодого режиссёра нашли повесившимся на дверной петле.

ИЗ ПРОШЛОГО ВЫКСЫ. СЛУЧАЙ НА РУДНИКЕ

Управляющий заводом Кларк остановился, заинтересовавшись рассказом старика. Речь шла о рудокопе Прокле Небаеве.

— «Женат он был на Нениле, незаконнорожденной. На первых же порах после свадьбы они пошли вместе работать.

— Ты, голубка, будешь стоять на баране, тянуть наверх руду, — учил жену Прокл. — Как заюлит веревка да потянет вниз — значит, руда в бадье, верти баран, вытягивай...

Однажды, уйдя на рудник, они напали на слой руды. Захотелось заработать, подкрепить своё хозяйство добычей.

Бадья за бадьёй шли из дудки наверх. К вечеру вокруг дудки скопилась большая гора руды.

Солнце уже скрылось за лесом, когда уставшая за день Ненила почувствовала что-то недоброе — бадья слишком долго не наполнялась.

— Уж не случилось ли что с ним? — подумала она, решила подождать ещё.

Вокруг стояла какая-то гнетущая тишина. Наступил вечер.

— Прокл! — крикнула Ненила в дудку, — Прокл!

Молчит Прокл.

Лихорадочно вертит баран Ненила, навивая кверху пустую бадью. Усталость пропала у неё.

Раз за разом, как обезумевшая, поднимала и опускала она бадью – всё ничего нет.

Выбилась из сил бедняга и, что есть мочи, спотыкаясь и падая, побежала за подмогой в деревню – скит.

А прибежавши домой, от испуга раньше времени разрешилась дочерью.

На другой день отрыли из дудки Прокла с раздавленной в лепёшку головой и смятой грудью. В застывшей руке была рудокopная кирка.

В этот же день умерла и роженица, оставив ребёнка на попечение таких же бедняков, как и она сама».

НЕСКОЛЬКО СЛОВ В ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Я познакомила вас, дорогие читатели, с Алексеем Алексеевичем Лопатиным, одним из зачинателей нашего краеведения. Одарённый самодеятельный исследователь и бытописатель, он – автор исторических изысканий и литературно-краеведческих сочинений о прошлом Выксы. Но, как нередко бывает, его большой самоотверженный труд не был в своё время оценён по достоинству.

Моя статья – попытка восполнить этот пробел, сказать благодарное слово об этом замечательном человеке, который так много сделал для своей родины. Работы Алексея Лопатина: «Выксунская старина», «Очерки и рассказы из быта выксунского края» вошли как одна из основ в наше краеведение, вошли и остались в нём навсегда.

К этому золотому фонду обращались и обращаются краеведы, исследователи, журналисты, писатели – с благодарностью. И, конечно, А.А. Лопатин интересен и дорог любителям родной старины, выксунцам разных поколений.

Спасибо Вам, Алексей Лопатин, за великий труд!

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Елена Александровна Баикина</i>	
Негромкое учительское счастье.....	3
<i>Елена Ивановна Липатова</i>	
Учительница.....	15
Слово об Учителе.....	19
<i>Галина Константиновна Никулина</i>	
Краевед.....	21
<i>Валентина Васильевна Балдина</i>	
«Краеведение – дело серьёзное».....	25
Первые краеведы Выксы. А. А. Лопатин – знаток и бытописатель выксунской старины.	28
Алексей Лопатин («Александр Луч»).	
Рассказ «Дед Костянкин».....	56
Записки А. А. Лопатина.....	60
Из «Записок» Алексея Лопатина.....	62

Совет ветеранов Выксунского района, Общество выксунских краеведов, отдел культуры Выксунского муниципального района, читатели, которым безразлична история выксунского края, выражают благодарность депутату областного Законодательного собрания Валерию Павловичу Анисимову за взаимопонимание, финансовую и моральную поддержку в выпуске данного альманаха.

От редакции

Уважаемые читатели, значение выпуска историко-краеведческого альманаха безгранично велико для сохранения исторической правды выксунского края. Редакция продолжает работу по отбору, систематизации, обработке материалов выксунских краеведов. Они ждут своего часа опубликования. Приглашаем меценатов, предпринимателей, всех заинтересованных лиц принять посильное участие в издании последующих выпусков альманаха «Приокская глубинка».

Контактный телефон: 6-08-71.

«Приокская глубинка» № 1 (10) 2011
Краеведческий альманах

Издание зарегистрировано
в Государственном комитете РФ по печати
Свидетельство ПИ № ФС 18-3716 от 10.01.2008

Учредитель
Отдел культуры
администрации Выксунского района
Нижегородской области

Главный редактор
Галина Константиновна Никулина

Оформление обложки
Дмитрий Владимирович Молев

Оформление вклейки
Сергей Николаевич Деркач

Автор идеи
Юрий Владимирович Жулин

Адрес редакции
607060, Нижегородская обл.,
г. Выкса, микрорайон Центральный, д. 20

Свободная цена

Издательство 

603000, Нижний Новгород
ул. Короленко, д. 19^А
Телефон (831) 277-10-99
E-mail: a4@infonet.nnov.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
ООО «Растр-НН»



603024, Нижний Новгород,
ул. Белинского, 61
Телефон (831) 278-78-19
E-mail: rastr@kis.ru

Подписано в печать 07.04.11
Формат 84x108^{1/32}. Бумага офсетная
Гарнитура Newton. Печать офсетная
Тираж 1000 экз. Заказ № 305



Валентина Васильевна БАЛДИНА

Родилась в Выксе в 1928 году. Окончила истфил ГГУ им. Лобачевского. 32 года преподавала литературу и русский язык в школах родного города, была завучем, руководила методкабинетом при городском отделе народного образования. Отличник народного просвещения. Награждена медалью «Ветеран труда».

Около 30 лет занимается литературным краеведением, поставила его на научную основу. Документально разработала тему «Драматург А.В. Сухово-Кобылин и Выкса», материал к музейной экспозиции «Сухово-Кобылины и Выксунские заводы». В её краеведческих изысканиях – местные предания и легенды, первые краеведы (А. Лопатин), фольклористка Н.Д. Комовская, большое исследование «Литературная Выкса 20–40-х годов». В него вошли работы о лучших журналистах тех лет (Н. Безрукове, Дм. Егорове, В. Тараканове), о самодеятельных поэтах (Б. Личнове, Н. Сидельникове), о прозаике-выксунце Н.П. Ключарёве. В.В. Балдина – автор статей о писателях, в чьих произведениях использован выксунский материал; очерков об известных людях литературы и искусства, посетивших наш город.

Выступала с лекциями перед учащимися и учителями, с циклом бесед на Выксунском радио. Статьи-исследования краеведа печатались в газете «Выксунский рабочий» в 1984–1999 гг., с 2007 года публикуются в сборнике «Приокская глубинка».